

Мой бесстрашный герцог

Автор:

[Валери Боумен](#)

Мой бесстрашный герцог

Валери Боумен

Игривые невесты #9Шарм (АСТ)

Марк Гримальди сделал блестящую карьеру на тайной службе его величества и дослужился до генеральских эполет. Теперь ему предложено возглавить всю британскую внешнюю разведку, но с одним условием: человек, занимающий столь высокий пост, должен быть непременно женат.

Положим, жена у Марка как раз есть, только вот ведь незадача: он и красавица Николь со скандалом расстались сразу после свадьбы. Удастся ли новоиспеченному генералу уговорить оскорбленную женщину снова начать совместную жизнь, хотя бы и только напоказ окружающим?

А может, и не напоказ? Может быть, под холодным пеплом обиды и непонимания еще остался огонек былой страсти, которому надо лишь дать разгореться?

Валери Боумен

Мой бесстрашный герцог

Valerie Bowman

A DUKE LIKE NO OTHER

Перевод с английского А. Ф. Фроловой

Компьютерный дизайн Э. Э. Кунтыш

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Серия «Шарм» основана в 1994 году

© June Third Enterprises, LLC, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Моему отцу

Миноту Боумену-младшему

с любовью

Глава 1

Лондон, июль 1818 года

– Ты можешь получить повышение, Грим, но при одном условии, и, боюсь, это условие тебе не понравится.

Генерал Марк Гримальди сидел напротив престарелого лорда Аллена, своего начальника и одного из самых влиятельных политиков в стране.

Марку казалось, что он ждал этого дня всю жизнь. Во всяком случае, всю свою взрослую жизнь.

Он был безупречно одет. Брюки были превосходно отутюжены, рубашка идеально накрахмалена, а галстук завязан по всем правилам. Ботинки же были начищены до зеркального блеска, и на лице сияла улыбка. Марку было тридцать четыре года. Он работал как проклятый, неоднократно рисковал жизнью и отказался почти от всего – только бы поступить на службу его величества. Боже мой, он едва не умер ради этого повышения!

Условия? Плевать на условия! Ничто не сможет остановить его. Он станет министром внутренних дел, главой министерства внутренних дел... или умрет.

Марк нервно дернул манжету.

– Говорите! Нет условия, которое я не смогу принять.

Лорд Аллен встал. Заложив руки за спину, медленно обошел стол и остановился рядом с Марком, продолжавшим сидеть. Откашлявшись, он сообщил:

– Лорд Тоттенхем не хочет, чтобы эту должность занял холостяк. Ему нужен человек остепенившийся.

Лорд Тоттенхем управлял кабинетом министров и являлся начальником лорда Аллена. Именно Тоттенхем будет принимать окончательное решение по кандидатуре нового министра.

– Что вы имеете в виду? – прищурившись, осведомился Гримальди. – Что значит – остепенившийся? – Но он уже знал ответ – ответ подсказал холодок, внезапно возникший где-то в желудке.

– Нужен семейный человек, – пояснил лорд Аллен. – Ты должен жениться.

Жениться? Слово это ударило его, словно пуля, в грудь. А ведь он, Марк, добивался всего собственными силами. Абсолютно всего. Он ставил перед собой конкретную цель и добивался ее. Теперь он решил стать министром внутренних дел. Возможность неудачи даже не рассматривалась. Никакая жена не помешает ему добиться своего.

Он невольно сжал кулаки. Что за жестокая ирония судьбы? Горькая ирония... Он ведь отдал всю жизнь работе. Никаких уз. Никаких сожалений. Он отказался от всего, в том числе и от семейной жизни. И вот теперь, оказывается, ему нужна жена? Политики могут быть грубы и жестоки. А сегодняшнюю ситуацию можно было бы считать смешной, если бы только она не оказалась столь печальной...

– С женитьбой есть проблема, – со вздохом пробормотал Марк.

– Какая? – Лорд Аллен вернулся на свое место и снова сел.

Ну вот и настал момент истины. Ему придется признаться в том, о чем он умалчивал годами. На его губах появилась грустная улыбка.

– Видите ли, я... уже женат.

Глава 2

Сомма, Франция, конец июля 1818 года

Слегка наклонив голову, Николь скакала по лавандовому полю верхом на своей кобыле Аталанте. Ветер трепал ее волосы, а на губах играла торжествующая

улыбка. Она испытывала чистое, ни с чем не сравнимое наслаждение. Нет ничего приятнее, чем вызвать мужчину на соревнование и победить. Граф де Руссель скакал рядом. Точнее – отстал на два или даже три корпуса и тщетно пытался догнать ее. Генри – хороший человек и добрый друг, но Николь ни секунды не сомневалась, что победит его в скачках. В конце концов, скачки существуют именно для того, чтобы их выигрывать.

Поля были покрыты цветами. Николь с наслаждением вдохнула полной грудью воздух, напоенный ароматом лаванды, и подставила лицо теплему солнышку. Вероятно, теперь у нее появится больше веснушек – ну и ладно. Она обожала такие дни. Солнце стоит высоко, в полях сухо, а ветер развеивает ее рыжие волосы. Она никогда не старалась убрать непослушные пряди, когда отправлялась на верховую прогулку. Развевающиеся волосы были для нее одной из обязательных составляющих свободы.

Краем глаза Николь заметила своего слугу Рошара, спешившего к ней по полю и размахивавшего шляпой.

– Мадам, мадам, у вас гость! – закричал он, приблизившись.

Николь остановила лошадь и, прикрыв ладонью глаза от солнца, посмотрела в сторону дома. Гость? Но сегодня она никого не ждала...

А потом она заметила мужчину и почувствовала, как сердце ее рухнуло... прямо в пятки. Она бы узнала его в любой толпе! Высокий, широкоплечий, темноволосый, безупречно одетый джентльмен. Ей не надо было приближаться, чтобы убедиться – это он. Только один человек на свете мог так выглядеть, мог стоять в такой позе и наблюдать за ней с непередаваемой смесью любопытства и плохо скрытой неприязни.

Проклятье! Муженек пожаловал!

Граф остановил коня рядом и тоже посмотрел на мужчину, стоявшего на краю поля.

– Гость? – спросил он на безупречном французском.

– Да. – Николь мысленно выругалась.

– Но кто он? Выглядит как англичанин.

– О да! – Николь в раздражении фыркнула. – Англичанин до мозга костей!

Этот тип определенно англичанин. И уж точно – настоящий осел. Она надеялась, что больше никогда его не увидит, по крайней мере живым. О, это было так похоже на Марка – свалиться без предупреждения, как снег на голову, после всех этих лет. И он был в полной уверенности, что его не вышвырнут за порог. Хотя... Ведь внезапность – его тактика. Предупреди он, что собирается нанести ей визит, она, конечно же, нашла бы благовидный предлог, чтобы отказать.

Николь вздохнула, сняла перчатку и пригладила волосы. Она не задавалась вопросом, как он ее нашел. Этот человек был опытным шпионом, так что обнаружить ее местонахождение ему было не трудно. Она выпрямилась, расправила плечи и снова вздохнула. Что ж, так тому и быть. Настал день, которого она ждала и боялась вот уже десять лет. Наконец-то она посчитается с Марком Гримальди!

Николь повернула Аталанту, пришпорила и поскакала к воротам, возле которых стоял Марк. Она спешила, отбросила рыжие пряди за спину и направилась к мужу. Она не сводила с него недоброжелательного взгляда. Марк был не из тех, кто прощал слабость, поэтому она зашагала прямо к нему, а не отвела сначала лошадь в конюшню.

Приблизившись, Николь сняла перчатки. Ему придется принять тот факт, что она каталась на лошади в мужском костюме. Так ей было удобнее.

– Кого я вижу? Марк Гримальди? Чем обязана?.. – Ее голос был предусмотрительно лишен каких-либо эмоций за исключением разве что сарказма.

Марк демонстративно окинул ее долгим взглядом – с ног до головы – и тем самым заставил почувствовать себя уязвимой, почти голой. Что ж, в конце концов, он единственный мужчина, которому удалось поймать ее с поличным. Она нахмурилась, внезапно ощутив, как плотно ее облегают панталоны, а мужская рубашка открывает шею до самых грудей. Ох, плохо...

– Чем обязана? – переспросил Марк с усмешкой. Его голос оставался таким же низким, холодным и надменным, каким она его помнила.

– Приехал помучить меня? – Она делано улыбнулась и подбоченилась, упершись кулаком в бедро. В другой руке она сжимала мягкие кожаные перчатки для верховой езды – причем сжимала так сильно, что заныли пальцы.

– Да, возможно. – Марк обернулся к графу. – Но сначала... Разве ты не представишь меня своему другу?

Граф в этот момент как раз подъехал к ним. Николь прикусила губу, стараясь не сказать что-нибудь по-настоящему неприличное. Повернувшись к спешившемуся графу, проговорила:

– Граф де Руссель, это Марк Гримальди. – В ее голосе звучало холодное презрение. – Когда мы с ним встречались в последний раз, он был капралом. Зная его, могу предположить, что он уже стал премьер-министром. Месье Гримальди, это граф де Руссель.

Генри – его светлые волосы остались после скачки в идеальном порядке – улыбнулся и поклонился, приподняв шляпу.

– Генерал Марк Гримальди. – Марк протянул руку для традиционного рукопожатия.

Глаза Николь вспыхнули. Правда, она все равно не смогла удержаться от колкости.

– Даже не фельдмаршал? – осведомилась она с сарказмом.

Марк не сводил пристального взгляда темных глаз с графа.

– Я намерен игнорировать свое воинское звание, – заявил он. – Тем более... что войны уже окончились. Если, конечно, вы, живя здесь, об этом слышали. – И он сделал широкий жест рукой, как бы указывая на окружающий их идиллический пейзаж.

Николь нахмурилась. Граф же с задумчивым видом поглядывал то на мужчину, то на женщину, находившихся с ним рядом.

- А еще я ее муж, - внезапно заявил Марк. - Полагаю, вы не сказали об этом своему другу, мадам Гримальди.

Глаза графа округлились. Резко повернувшись к Николь, он уставился на нее в изумлении.

- Вы действительно женаты? - Он покосился на Марка.

- Да, я ее муж, - ответил Марк с усмешкой.

«Будь ты проклят!» - мысленно воскликнула Николь. И тут же пробурчала:

- Это правда. - Она тряхнула головой, и ее рыжие пряди словно ожили. Погладив пышную гриву своей лошади, она добавила: - Прошу прощения. Мне надо отвести Аталанту в конюшню. - Она отвернулась и тут же направила лошадь в сторону конюшни.

За спиной ее раздался смех Марка.

- Аталанта? Разумеется, ты могла назвать кобылу только именем женщины-воительницы, главная цель жизни которой - доставить неприятности своему мужу.

Николь стиснула в руке поводья, но не оглянулась. Вместо этого горделиво вскинула подбородок и ускорила шаг. Нет, она никому не доставляла проблем! Просто делала что нравилось, а ее за это презирали. Николь шла все быстрее, но мужчины от нее не отставали, под их сапогами громко хрустел гравий.

И тут снова раздался голос Марка:

- Мне кажется, Афродита - более подходящее имя. Лошадь женщины, наставившей рога мужу.

Николь резко остановилась и обернулась.

– А твоего коня наверняка зовут Зевс! Это имя человека, ломавшего жизнь всем, кто его окружал!

Марк насмешливо улыбнулся.

– Нет, у меня все тот же Юпитер. Он верой и правдой служил мне все эти годы. Кстати, Зевс – это бог, а не человек. Ты не знала? – Теперь он уже широко улыбался. – Или ты уподобляешь меня богу?

– Я говорю о твоём коне, а не о тебе. – Николь поджала губы и не сказала больше ни слова. Все равно ее колкости на него не действовали, даже наоборот: он, похоже, наслаждался ими. Но, как бы то ни было, она ни за что не допустит, чтобы он снова ворвался в ее жизнь и лишил ее покоя. Много лет она пыталась забыть его!

– Мадам, вы желаете, чтобы я ушел? – подал голос граф.

– Нет, месье, прошу вас, останьтесь, – быстро ответила Николь, решив позлить Марка – тот явно желал, чтобы Генри удалился. В какой-то момент она почувствовала укол вины. Было неправильно делать бедного, ни в чем не повинного Генри свидетелем ее обмена колкостями и язвительными замечаниями с Марком. Генри не заслуживал такого обращения. Подумав об этом, Николь твердо решила, что не станет отвечать на шпильки Марка.

Все трое в напряженном молчании добрались до конюшни, где Николь отдала поводья конюху. Затем она повернулась к мужчинам – руки скрещены на груди, каблук постукивает по земле.

– Сейчас мы пойдем в дом, где можно перекусить, но сначала... – Она уставилась в ненавистно красивое лицо Марка. – Ты намерен сказать, какого черта явился? Уверена, не для того, чтобы выпить чаю.

– Конечно. Но я надеялся поговорить с тобой. – Марк с явной неприязнью оглядел графа с ног до головы. – Надеялся поговорить наедине.

Не прошло и получаса, как граф уже был на пути домой, а Николь стянула волосы в тугий пучок на затылке, закрепив их заколками, которые обнаружила в кармане. Она наотрез отказалась подняться вверх и надеть платье – не желала делать вид, что является тихой английской женой, которая нужна была Марку. Если он хочет что-то ей сказать, придется ему смириться с ее мужским костюмом.

Правда, она все же была хозяйкой дома и потому провела его в гостиную и приказала принести чай.

– Прекрасно выглядишь, – заговорил Марк, когда она заняла место на обитом розовой тканью диванчике, стоявшем в середине комнаты.

Николь устремила на мужа пристальный взгляд, в котором не было ни капли приязни.

– Избавь меня от своих любезностей, – поморщилась она. – Мы оба знаем: тебе что-то от меня нужно. Иначе ты бы не явился. Не трать зря свое и мое время. Говори же: что тебе от меня надо?

Глава 3

Марк в очередной раз усмехнулся. Что ж, Николь всегда была прямой и откровенной. Именно ее прямота была одним из тех качеств, которые изначально привлекли к ней его внимание. Она понимала, что его внезапный приезд мог быть вызван только острой необходимостью. Что ж, очень хорошо. Он тоже предпочитал откровенность.

– Ты права. Мне действительно кое-что от тебя нужно.

– Говори же! – Она откинулась на спинку диванчика и положила ногу на ногу.

Даже под угрозой смерти Марк не смог бы отвести глаза от ее длинных стройных ног, соблазнительно обтянутых бриджами. А эта рубашка, открывающая грудь... У Марка внезапно вспотел затылок. Что ж, ладно. Пусть

Николь, если желает, катается вокруг своего французского загородного дома в мужском костюме и с распущенными волосами на лошади по кличке Аталанта. Она устроила соревнование с графом и выиграла. Как это на нее похоже! Она обожала скачки и всевозможные состязания и ненавидела проигрывать. И поэтому... Чтобы иметь хотя бы минимальную надежду на то, что она согласится на его предложение, не стоило сразу настраивать ее против себя.

Марк осмотрелся. Гостиная была со вкусом отделана в розовых и кремовых тонах со штрихами зеленого. Сам дом был довольно большой и хорошо обставленный, но без претенциозности. Николь имела доступ к его деньгам, однако не истратила из них ни шиллинга, жила на собственные деньги или же на средства своей семьи.

– Что, никаких воспоминаний? – Марк положил обе руки на спинку дивана. – Никаких разговоров о приятных событиях в прошлом?

Николь вскинула темные брови.

– А они были, эти приятные события? По-моему, их было слишком мало, и они случались слишком редко, так что и говорить о них не стоит.

– Но ведь были. – В постели. Марк дернул свой шейный платок. Какого черта он вдруг стал таким тугим?

А она нервно теребила пучок волос на затылке. Только Николь могла так быстро собрать волосы в пучок – даже не глядя в зеркало – и выглядеть после этого весьма и весьма... Несколько длинных вьющихся рыжих прядей обрамляли лицо, на котором застыло выражение неудовольствия и раздражения.

– Ладно, хватит, – проворчала она. – У меня нет времени на пустые разговоры. Сегодня я иду на ужин, и мне надо переодеться.

Марк прикусил губу, но все же не сумел сдержать насмешливого замечания.

– Наденешь чистые бриджи? – Проклятье! Жена выглядела потрясающе в мужском костюме. Честно говоря, она в любом костюме выглядела великолепно. И годы были к ней добры. Детская пухлость лица уступила место тонкости и

изяществу. Только губы остались такими же припухлыми, розовыми и манящими, а волосы – густыми, пышными и шелковистыми. Глаза же казались немного уставшими, но, как и прежде, светились умом и пронизательностью. А фигура... хм... фигура, похоже, стала еще роскошнее. Вероятно, сказались длительные верховые прогулки. Черт побери, он бы многое отдал – только бы эти сильные изящные ноги снова обхватили его бедра.

– Несмотря на мой теперешний внешний вид, можешь не сомневаться: у меня еще есть платье... пожалуй, даже два. – Ее слова отвлекли Марка от непристойных мечтаний. Николь же напряженно улыбалась.

Марк встал, подошел к столику у стены и налил себе бренди.

– Собираешься опять встретиться с графом?

– А что?.. – В ее низком голосе, как и прежде, звучала хрипотца. – Неужели ревнуешь?

– Ревную? Понятия не имею, что означает это слово.

– Граф – мой друг, не более того.

Марк пожал плечами и плеснул себе еще немного бренди.

– Уверен, ты бы мне сказала, будь он не только другом.

– Уверена, что тебе наплевать.

– Ошибаешься. Ни одному мужчине не понравится представлять свою жену в постели с другим мужчиной. – Марк сделал большой глоток.

Николь закатила глаза.

– А ты, разумеется, все эти годы воздерживался от интимных связей, – проговорила она с усмешкой.

Именно так и было. Но Марк скорее умер бы медленной мучительной смертью – вроде той, что грозила ему в плену у французов, – чем признался в этом. Однако же... Они с Николь приняли совместное решение разъехаться и не виделись десять лет. А Николь – красивая женщина в самом расцвете сил. И... Черт побери, перспектива разбить графу нос или сломать челюсть показалась Марку в этот момент необычайно привлекательной.

– Я никогда не рассказываю о своих любовных связях, дорогая, – проговорил он наконец.

Николь напряженно улыбнулась. Чуть помолчав, решила сменить тему.

– Значит, ты стал генералом?

– Да, стал. – Марк подошел к окну, за которым простирались бескрайние лавандовые поля. Одну руку он заложил за спину, став очень похожим на полководца, осматривавшего поле битвы. Эта поза оставалась для него все еще привычной, хотя он уже довольно давно оставил действительную службу.

– Полагаю, тебя следует поздравить? – Тут принесли чай, и Николь наполнила свою чашку, в которую щедро плеснула сливок (Марк помнил, что она всегда пила чай со сливками, но без сахара).

– Нет, не стоит. – Он покачал головой и сделал еще глоток бренди.

Серебряная ложечка, которой Николь размешивала чай, звякнула о тонкий фарфор.

– Должна признаться, я часто думала, когда получу известие о твоей гибели, – проговорила она вполголоса.

Невесело усмехнувшись, Марк пристально уставился на жену.

– Ты так мало верила в меня? Или принимала желаемое за действительное?

– Ни то ни другое. – Николь поднесла чашку к губам. – Просто я хорошо знаю, насколько безрассудным ты можешь быть.

Марк опустил голову.

– Мог быть.

– Правда? – Она взглянула на него с искренним изумлением. – Ты приехал, дабы сообщить мне, что изменился?

– Я изменился, но все же не настолько, – ответил Марк с усмешкой.

– А знаешь... я почему-то не удивлена. – Николь поставила на стол чашку и скрестила руки на груди. – Скажи, Марк, зачем ты приехал?

Он отсалютовал ей бокалом. Янтарная жидкость сверкнула в лучах послеполуденного солнца.

– Видишь ли, мне необходима от тебя... одна любезность.

– В этом я не сомневалась. Какая именно? – Николь снова поднесла чашку к губам и сделала глоток.

Марк допил бренди и заглянул жене в глаза.

– Мне необходимо, чтобы ты на несколько месяцев вернулась со мной в Англию, прикинувшись моей любящей женой.

Глава 4

Николь поперхнулась чаем и надолго закашлялась. Если бы Марк заявил, что желает ее участия в генеральном сражении, она была бы не так удивлена.

Откашлявшись, она достала из кармана платочек, вытерла слезящиеся глаза и устремила на мужа пристальный взгляд.

– Чего ты от меня хочешь?

Марк поставил на стол пустой бокал и шагнул к жене.

– Уверен, ты меня хорошо расслышала. Видишь ли, моя кандидатура рассматривается на повышение. Очень хорошее повышение. Я собираюсь стать министром внутренних дел.

Николь невольно присвистнула.

– Министром внутренних дел? – Она всегда знала, что Марк необычайно честолюбив, и не сомневалась, что он далеко пойдет. Но все же... Неужели он будет вхож к королю? Неужели будет иметь такую огромную власть? Она опустила глаза, взглянула на свой мутный от сливок чай и постаралась придать лицу непроницаемое выражение. – Итак, твои политические амбиции наконец будут реализованы? Но при чем тут я?

Марк склонил голову к плечу и пристально посмотрел на собеседницу.

– К сожалению, ты имеешь к моему назначению самое прямое отношение. На эту должность нужен семейный человек.

Николь нахмурилась.

– Ты рассказал о своей семье?

Муж покачал головой.

– Нет. – От его короткого резкого ответа у Николь перехватило горло. – Моя семья здесь ни при чем. Просто им нужен женатый человек, а не холостяк. Вот и все.

Да, конечно... Ей не следовало говорить о его семье. Это для него такая же болезненная тема, как и раньше.

– Ты надеешься, что, продемонстрировав меня после всех этих лет, сумеешь укрепить свое положение?

Марк со вздохом кивнул.

– Да, что-то вроде этого.

Она поставила чашку на серебряный поднос перед ней на столике и окинула мужа взглядом. Ему придется многое ей объяснить.

– А почему бы тебе не найти какую-нибудь непритязательную послушную простушку, которая будет притворяться твоей женой?

– Есть люди, которые знают, что мы женаты, Николь. Их не много, но они есть. И если меня поймают на лжи, то мне придется забыть о повышении.

– Значит, ты рассматривал такую возможность? – Николь делано рассмеялась. – Ладно, можешь не отвечать. Я и так уверена, что ты думал об этом.

Марк снова склонил голову к плечу и вдруг спросил:

– Кстати, а как твоя семья относится к тому, что ты столько лет живешь здесь одна?

У Николь заняло сердце. После десяти лет разлуки он задает такой вопрос столь безразличным тоном, словно ведет разговор о погоде? Что ж, хорошо. В любую игру могут играть двое.

– Я не оставила им выбора, – ответила она.

– Ты никому не оставляешь выбора, – процедил Марк сквозь зубы.

Николь вздрогнула – и прижала руку к груди, где внезапно ощутилась ужасная пустота. Поднявшись на ноги, она пробормотала:

– Я пишу маме когда могу. Мы поддерживаем связь.

– А все это? – Марк окинул взглядом комнату. – Как ты со всем этим управляешься?

Проклятье! Как он смеет задавать подобные вопросы? У него нет на это права! За все эти годы она не взяла у него ни пенса!

– Кому, как не тебе, Марк, знать, что работа на министерство иностранных дел может приносить доход? Я тоже периодически выполняла кое-какие задания здесь, во Франции.

– Ах да, твоя карьера... Открыла отделение сыщиков уголовного полицейского суда в Париже?

Проигнорировав вопрос, Николь направилась к столику с напитками и налила себе бренди. Она не позволит насмехаться над собой. О, проклятье! Ну почему ей никак не удастся стереть насмешливую ухмылку с его непозволительно красивого лица?

– Хочешь еще? – спросила она вежливым тоном радушной хозяйки дома. Впрочем, ее радушие едва ли показалось ему искренним.

– Да, – буркнул Марк.

С трудом заставив себя обуздать разбушевавшиеся эмоции, Николь налила бренди в бокалы и мысленно поздравила себя с тем, что руки у нее несколько не дрожали, несмотря на отчаянно колотившееся сердце. Она спокойно прошла по толстому ковру и протянула мужу бокал.

Тот взял его и опять усмехнулся.

– Я вижу, ты, как и раньше, чужда условностей.

– А ты, как и раньше, думаешь только о работе. – Она резко отвернулась и вернулась на свое место.

Марк сел рядом, затем чуть наклонился вперед, упершись локтями в колени. стакан он держал прямо перед собой.

– Так ты сделаешь это? – Он заглянул ей в глаза.

А она молчала. И ведь он даже не пытался ее уговаривать. Ему это не требовалось, ибо он излучал обаяние, не прилагая к тому никаких усилий. И он прекрасно это знал.

Николь мысленно выругалась. О, сегодня этот проклятый карьерист был даже красивее, чем десять лет назад. Он был таким же высоким, широкоплечим и мускулистым, обладал пышной темной шевелюрой и большими темными глазами, светившимися надменностью и острым умом. Только нос, пожалуй, стал немного другим. Идеально прямой десять лет назад, он приобрел горбинку, словно его ломали – раз или даже два. К несчастью, это небольшое несовершенство лишь добавило ему очарования. А его проклятые губы были, как и десять лет назад, преступно красивыми. Николь помотала головой – словно старалась отогнать подобные мысли.

Сделает ли она это? Черт, черт, черт! Какое право имел этот надменный сукин сын вернуться в ее жизнь и требовать от нее чего-то? Она ему абсолютно ничего не должна. Тем не менее кое-что ей требовалось взамен. То, что мог дать ей только он. Похоже, ей представлялась идеальная возможность это получить.

– Я подумаю, – сказала она, поглаживая указательным пальцем край бокала. – Но если соглашусь, лишь при одном условии...

Глава 5

Будь она проклята! Николь наотрез отказалась сказать ему, о каком условии шла речь, и отправилась к себе в спальню – переодеваться к своему чертову ужину. Сидя в гостиной с полупустым бокалом бренди, Марк обдумывал ситуацию. Николь явно наслаждалась своей властью над ним. И ее нельзя было за это винить. Он бы на ее месте тоже наслаждался. Марк вспомнил, как она выглядела в бриджах, обтягивавших ее словно вторая кожа, и его собственные брюки вдруг стали ужасно тесными. О дьявол! Он прибыл сюда вовсе не для того, чтобы мучиться от похоти, глядя на эту женщину. Он приехал, чтобы просить ее о любезности, вполне обоснованно подозревая, что в ней ему будет отказано.

Николь велела ему прийти на следующий день вечером, и тогда она озвучит свое условие. И она не предложила ему остаться в ее доме. Впрочем, Марк все равно бы отказался. Он заранее снял комнату в городской гостинице, не зная, как его примут (и примут ли вообще). Возможно, он уже сейчас мог возвращаться в Англию, так ничего и не добившись. И тот факт, что она не сказала сразу «нет», уже можно было считать маленькой победой. Но ее условие не давало ему покоя.

При мысли об этом Марк стиснул зубы. Чего же она может от него потребовать? Чтобы он держался от нее подальше, после того как получит назначение? Но ведь он и так десять лет ее не беспокоил... И она знала, что и на сей раз с этим проблем не будет. Может, увеличить ее содержание? Но эта женщина и так богаче, чем большинство английских и французских дам. Он выделил ей щедрое содержание, к которому она, между прочим, не притронулась. Нет, едва ли речь шла о деньгах.

Единственное, что приходило ему в голову, – это развод. Марк никогда не позволял себе даже рассматривать такую возможность. Он не считал развод необходимым. Развод – это неизбежный скандал и позор для них обоих. К тому же они оба и без развода вели вполне счастливую жизнь. Но, может быть, Николь влюбилась и хочет выйти замуж за своего графа? Если так, она вполне могла потребовать развода.

Марк нахмурился, представив себе Николь в постели с графом. Волосы разметались по подушкам, лицо напряглось в предвкушении наслаждения... Видение оказалось чертовски неприятным.

Марк невольно сжал кулак. Да, он вполне сможет нанести проклятому графу неслабый удар. Пусть это ничему не поможет, но по крайней мере станет ясно, сможет ли он, как в юности, уложить соперника одним ударом.

Он сделал еще один глоток и сосредоточился на текущих проблемах. Николь должна была понимать: поскольку ему необходима жена для получения вождеденного назначения, развод невозможен, причем ни сейчас, ни потом. Нельзя допустить скандала до получения назначения, но и потом скандал может стоить ему должности. Возможно, когда-нибудь в будущем, когда его положение станет прочным...

Марк взъерошил пятерней волосы и глухо застонал. Нет смысла гадать, что она может потребовать. Женщины непредсказуемы, а Николь – даже больше, чем другие. Оставалось только дожидаться, что она скажет завтра. Но он вовсе не собирался сидеть весь вечер в своей комнате в гостинице и томиться от неизвестности.

Мимо открытой двери гостиной прошел лакей, и Марк окликнул его. Достав из кармана крупную французскую купюру, он помахал ею перед носом парня.

– Ты знаешь, куда мадам отправляется сегодня вечером? – спросил Марк на безупречном французском.

Лакей покачал головой.

– Нет, месье, но я могу спросить у горничной мадам.

Марк кивнул.

– Да, сделай это, и побыстрее. У меня и для горничной кое-что найдется, если она снабдит меня нужными сведениями.

Лакей кивнул и вышел, а Марк сделал очередной глоток. Огненная жидкость скользнула по горлу, сжигая тревоги о возможном разводе.

Он вздохнул. Будет нетрудно получить приглашение на прием – или куда там Николь собиралась. После окончания войны французы с удовольствием приглашали на свои вечеринки колоритных англичан. И у Марка появится отличная возможность понаблюдать за Николь и ее графом.

Глава 6

Этот заносчивый ублюдок тоже здесь. На вечеринке у герцога де Фронтенака! Николь стояла в углу гостиной, окруженная друзьями, а Марк – в самом центре комнаты. Вокруг него толпились французские девицы, млевшие от знаков его внимания, словно он принц королевской крови. На нем был первоклассный

черный вечерний костюм, накрахмаленная белая рубашка и ослепительной белизны галстук. Он выглядел потрясающе, черт бы его побрал! Николь соскучилась по простой элегантности английской одежды. Франция – приятная страна, по праву славившаяся своими модельерами и модными домами, но Николь уже изрядно надоели кружевные рукава и цветные, чрезмерно украшенные сюртуки, которые носили здешние мужчины. А Марк выделялся, словно черная пантера на фоне стаи павлинов. И так было всегда.

Они встретились в доме ее бабушки. Та давала бал и пригласила группу солдат, только что вернувшихся с войны в Испании. Николь тогда было двадцать лет. Она выходила в свет уже два сезона, и, по существующим стандартам, явно засиделась в девицах. Мама и бабушка были преисполнены решимости выдать ее замуж в этом же сезоне! Ее изысканно одели, затейливо причесали и выставили напоказ – как призового поросенка на ярмарке. А ей было скучно. Бесконечно и безнадежно скучно. Балы и вечеринки ее не интересовали. Она предпочитала активные действия вроде верховых прогулок и скачек с кузенами по полям. У нее было слишком много энергии, чтобы заниматься тем, что общество предписывало юным девицам. Вышивание и игра на фортепиано? Невероятная скука! Чтобы этим заниматься, приходилось слишком долго сидеть на одном месте. Не говоря уже о том, что она искренне недоумевала – ну с какой стати колоть себе пальцы иголкой или музицировать? Зачем?!

Николь всегда хотелось делать что-нибудь полезное, и она в конце концов нашла себе такое занятие. У нее появился секрет, о котором мама и бабушка ничего не знали. Проведай они ее тайну, истерикам не было бы конца. Дело в том, что Николь, пусть даже тогда неофициально, стала одной из сыщиков с Боу-стрит.

Она тщательно готовилась к этому с того самого момента, как случайно прочитала объявление в газете. Элитная группа полицейских располагалась на Боу-стрит и публиковала в лондонских газетах объявления о разыскиваемых преступниках. Зная, что женщину не воспримут всерьез, если она не докажет, чего стоит, Николь начала действовать.

Одетая в бриджи и мужскую рубашку (купленную у одного из лакеев), она выследила двух преступников, грабивших женщин на Бонд-стрит. Она прекрасно знала: Бонд-стрит – район модных магазинов, часто посещаемых представительницами высшего общества. Если честно, эта пара воришек почти не пряталась, так что выследить их было легко. Они напали на мисс Уинни

Симмонс и украли ее ридикюль, после чего побежали по улице к пассажиру. Николь знала самый короткий путь и пробралась туда задворками раньше, чем воришки. Она остановила их, ткнув одного в спину пистолетом, позаимствованным из коллекции отца. Николь доставила обоих преступников на Боу-стрит – вся перепачканная, с оторванным рукавом и широкой улыбкой на лице. Еще никогда она не чувствовала себя более счастливой. Наконец-то ей удалось сделать что-то полезное!

А той ночью на балу у бабушки... Ох, она пряталась за развесистой пальмой в кадке, надеясь избежать танцев с маркизом Тинсли, которого и мама, и бабушка выбрали ей в качестве потенциального жениха. Скука оказалась невыносимой, и, в конце концов, она направилась к столу с закусками, рассчитывая, что ей удастся плеснуть немного вина в чашу для пунша, – ведь в прошлый раз же все получилось. Вино существенно улучшало вкус пунша и делало скучные вечера более терпимыми.

Краем глаза она заметила, что один из нанятых специально на этот вечер дополнительных слуг стащил со стола большую серебряную ложку и положил в карман. Когда он вскоре после этого выскользнул из комнаты, Николь воспрянула духом. Следовать принципам правосудия намного интереснее, чем делать вид, что не скучаешь на балу.

Отстав на несколько шагов, чтобы преступник ничего не заметил, она вышла за ним из зала и прокралась по коридору к лестнице, которая вела к помещениям для слуг. Тот, прежде чем спуститься, оглянулся. Николь вжалась в стенку и затаила дыхание. Преступник сбежал вниз по ступенькам. Николь мысленно досчитала до десяти и пошла за ним. Прячась в тени, она увидела, как он поспешно нашел свои вещи в пустой гостиной для слуг и оделся. После этого он взбежал вверх по другой лестнице, ведущей на небольшую веранду, выходившую в сад.

Снова досчитав до десяти, Николь пошла следом. К тому моменту как она вышла в темный сад, мужчина уже был на полпути к конюшням – еще немного, и скроется!

– Стой, воришка! – закричала она, не подумав. Да и когда ей было думать?

Но мужчина не остановился. Наоборот – побежал. Снова не подумав, она приподняла юбки и бросилась за ним. А бежать в тоненьких сатиновых туфельках по гравийной дороге было крайне неудобно. В какой-то момент мужчина задержался, чтобы открыть ворота, и Николь почти нагнала его.

Она уже открыла рот, чтобы опять закричать, но тут из темноты появилась какая-то тень... и сбила беглеца с ног.

Николь, остановившись, с изумлением наблюдала, как «тень» материализовалась в высокого широкоплечего мужчину. Она сделала шаг назад и шумно выдохнула.

Беглец же вскочил с явным намерением улизнуть, но широкоплечий мужчина одним ударом снова свалил его на землю. И тот уже не пытался подняться.

– Что он украл? – У широкоплечей тени оказался бархатистый баритон.

– Л...ложку, – пробормотала Николь, наконец-то осознав, что ей следовало беспокоиться о собственной безопасности, – ведь она оказалась наедине с незнакомцем, который без малейших колебаний прибегал к насилию. Жаль, что она не захватила с собой пистолет отца. Но сбегать за ним уже не получится...

И теперь она во все глаза рассматривала незнакомца. Внутренний голос подсказывал, что его следовало бояться. Но с какой стати она станет прислушиваться к внутреннему голосу? Николь сделала неуверенный шаг к нему, надеясь разглядеть его лицо.

– Серебряную ложку, – уточнила она. Увы, лицо незнакомца скрывалось в тени.

– Ах да, конечно... Аристократия испытывает нежную привязанность к своему серебру, – с усмешкой проговорил незнакомец и наклонился к поверженному преступнику и стал обыскивать его карманы. Луч света из комнаты над конюшней осветил незнакомца, но Николь удалось рассмотреть только его спину. На нем была военная форма. Николь почувствовала некоторое облегчение. Военный-то ее не обидит. Или обидит?

Тут мужчина в мундире отыскал ложку, выпрямился и протянул ее Николь. И только теперь она, рассмотрев его лицо, невольно ахнула. Темные волосы, еще более темные глаза, высокий лоб, прямой нос, твердый подбородок, а губы... О боже, с каких пор она стала обращать внимание на мужские губы? Трудно сказать. Вероятно, с тех пор как обратила внимание на влажные и пухлые губы маркиза Тинсли. Маркиз часто утирал их платком, неизменно вызывая у Николь дрожь омерзения. Зато у этого мужчины губы были... Ох, их ужасно хотелось целовать!

- Это, вероятно, ваше, - сообщил незнакомец, отвлекая Николь от фривольных мыслей.

Николь опустила глаза, внезапно осознав, что он все еще протягивал ей пресловутую серебряную ложку.

- Да-да, конечно. - Она взяла ложку, и их пальцы на мгновение соприкоснулись. Оба были в перчатках, и тем не менее это соприкосновение вызвало незнакомое волнение в груди Николь.

- Похоже, кому-то придется искать нового лакея, - сказал красивый незнакомец, глядя на лежавшего перед ним воришку.

- Да, верно, - ответила Николь. Ей следовало учтиво поблагодарить незнакомца и как можно скорее вернуться в дом. И вообще, не надо ей было выбегать сюда. А сейчас следовало побыстрее сменить туфельки, прежде чем мама заметит, в каком они состоянии... И все же Николь не тронулась с места - не могла отвести глаз от красивого незнакомца.

- Как тебя зовут? - выпалила она, напрочь позабыв о годах обучения этикету и приличным манерам. Девушке не следовало спрашивать у мужчины его имя, тем более - в темноте и на заднем дворе.

Удивительно, но незнакомец весело рассмеялся. И ей понравился его смех. Он был веселый и искренний.

- А тебя? - поинтересовался он.

Николь лукаво улыбнулась.

- Почему ты не хочешь сказать мне свое имя?

- Дорогуша, а ты очень неглупа. Отвечаешь вопросом на вопрос, когда хочешь выведать что-либо. Это дает определенные преимущества.

Николь улыбнулась еще шире. Какой забавный собеседник! И еще он назвал ее дорогушей. За это следовало бы дать ему пощечину, но она не собиралась это делать. Ее еще никто и никогда не называл дорогушей – по крайней мере, никто из тех, кто ей нравился.

- Ты не собираешься со мной говорить? – спросила она. Николь никогда не сдавалась, когда чего-то хотела, а сегодня ей хотелось узнать имя загадочного незнакомца. Очевидно, он был одним из приглашенных бабушкой солдат.

- Достаточно сказать, что я тот, кто предпочитает прогулку в темном саду чопорному балу, устроенному для того, чтобы смягчить вину аристократии.

- Смягчить вину? – Николь в растерянности моргнула. Что этот человек имел в виду? – Бабушка пригласила сегодня только узкий круг друзей и военных, – добавила она.

- Бабушка? Значит, ты живешь здесь? – Он кивнул в сторону освещенного огнями дома.

- Да. И моя мама – тоже. – Покосившись на внушительное строение, возвышавшееся над садом массивной громадой, Николь вдруг почувствовала, что краснеет. Еще никогда она не стыдилась богатства своей семьи, а сейчас испытывала неловкость. Интересно, а где живет этот солдат? Может быть, ему раньше не приходилось бывать в таких богатых домах?

- А твой отец?.. – продолжил расспросы незнакомец.

- Он умер, когда я была совсем маленькой. – Почему она рассказывала совершенно незнакомому человеку так много подробностей о своей жизни? Кстати, она почти не знала отца. Ее дядя и кузен Генри заботились о ней, ее

матери и бабушке.

– Очень жаль, дорогуша. Я тоже лишился отца в раннем детстве. – В голосе собеседника слышалось искреннее сожаление. – А кто, ты сказала, твоя мать? – Он чуть повернул голову, и его лицо снова оказалось в тени.

Николь усмехнулась и вскинула подбородок.

– Ты еще не назвал мне своего имени. Так почему я должна тебе представляться? – Что это? Она флиртовала с ним?

Незнакомец засмеялся – белая вспышка в темноте. Надо же, какие у него белые зубы!

– Молодец, дорогуша. Приз уже почти твой.

– Ты, наверное, простой солдат, – заметила Николь.

И снова раздался смех.

– Что же меня выдало?

Незнакомец откровенно забавлялся. Какая все-таки у него красивая улыбка! Он сделал шаг к ней.

– Твоя прическа.

Николь тоже задорно ухмыльнулась и сделала шаг навстречу. Этому солдату нравится, когда его дразнят? Что ж, в любом случае с ним намного приятнее разговаривать, чем с маркизом Тинсли, человеком, начисто лишенным чувства юмора.

– Ах да, как я сразу не понял? – Он снял головной убор и провел пятерней по своим немного вьющимся волосам, которые выглядели как черный шелк.

Николь сразу же захотелось тоже запустить пальцы в его шевелюру. Но вместо этого она сжала в руке ложку и сообщила:

– Сейчас я должна вернуться в дом. А прежде чем я уйду, даю тебе последний шанс назвать свое имя.

Его лицо было не просто красивым – оно завораживало.

– Зачем юной леди знать имя простого солдата?

– Чтобы я могла следить за твоей карьерой, – невольно вырвалось у нее. – Между прочим, дядя говорит, что нам предстоит еще много сражений. Возможно, ты когда-нибудь станешь капитаном.

Солдат выпрямился и расправил плечи.

– Я стану генералом, можешь не сомневаться. А как звали твоего отца?

Николь с усмешкой пожала плечами.

– Попытка не засчитывается.

– Но ты же не станешь винить меня за нее, дорогуща? – Его ослепительно белые зубы снова сверкнули в темноте.

Всякий раз, когда он называл ее дорогущей, у нее потели ладони, а сердце начинало биться быстрее. Немного помолчав, Николь добавила:

– Я вернусь в дом и попрошу Джозефа – это наш лакей – послать за стражником, чтобы увел этого человека. – Она указала на вора, все еще лежавшего на земле.

– Нет необходимости. Я все сделаю сам, – ответил красивый незнакомец.

– Хорошо, – кивнула Николь.

Ведь на Боу-стрит все равно мелкими воришками не очень-то интересовались. Она медленно удалилась, дважды оглянувшись. Красивый солдат вежливо ей поклонился. О, как же она надеялась увидеть его снова!

Громкий смех вернул Николь к действительности. Она и забыла, что находится на приеме у герцога де Фронтенака. И Марк – здесь! Ей вдруг стало душно. И оказалось, что ее туфельки из мягкой кожи немилосердно жали. Ей захотелось сбросить их и босиком выбежать на балкон.

Неудивительно, что Марк сегодня явился сюда. Он всегда добивался своего. Дерзкий и наглый! Она должна была догадаться, что так и произойдет. Такой человек, как Марк, не станет сидеть в одиночестве в деревенской гостинице и размышлять о жизни. Он человек действия. Эта черта у них общая. Вероятнее всего, он подкупил слуг, чтобы узнать, куда она собирается вечером. Впрочем, узнать это было несложно. Она сама допустила ошибку. Ей следовало предупредить слуг.

Внезапно толпа вокруг нее рассеялась, и Николь увидела прямо перед собой Марка. Да, нельзя было не признать, что он выглядел прекрасно. Неудивительно, что французские девицы так и вьются вокруг. Она испытала настоящий шок, увидев его. Шок и... ликование. И вовсе не потому, что она скучала по нему. Ничего подобного. Просто она постоянно ждала известия о безвременной кончине своего супруга.

Марк Гримальди был умен, расчетлив, и еще он был отличный шпион. Но при этом – безрассуден. Он был способен на все – только бы добиться своего. Собственная жизнь ничего для него не значила, когда он рвался к цели. Марк хотел стать лучшим шпионом, и он стал им. До Николь за эти годы доходило множество слухов о нем.

Он сумел выжить на войне, дослужился до генерала, и теперь она ему понадобилась, чтобы получить очередное повышение. Николь со вздохом привалилась к стене. Что ж, можно не сомневаться: он его получит. Карьера всегда была для него превыше всего. Ради нее он пожертвовал многим, в том числе – их браком.

Николь еще не сказала ему, в чем состояло ее условие. Пусть это мелко с ее стороны, но она хотела заставить его ждать, гадать, нервничать. Для человека, который всегда и все держал под контролем, ожидание было пыткой. Но, с другой стороны, она пока не была готова озвучить свое желание. Однако же... Собственно говоря, она всегда знала, чего хотела от него. Ох, ему это не понравится. Он мог отказаться, даже если отказ будет стоить ему повышения. Именно поэтому ей требовалось время на раздумья, чтобы подобрать правильные слова. Она прекрасно знала, что с Марком надо соблюдать осторожность. Да, ей следовало быть очень осторожной...

Она вежливо кивнула кому-то из гостей и шепотом попросила графа принести ей бокал шампанского. Генри сразу же пошел исполнять ее поручение, а взгляд Николь снова обратился к Марку. Оживленно жестикулируя, он рассказывал какую-то историю, а собравшиеся вокруг девицы внимали ему с разинутыми ртами. Николь отправилась на этот прием, рассчитывая насладиться компанией друзей и найти правильные слова для предстоящего разговора с Марком. Увы, ничего не получилось. Что ж, может, утром что-нибудь придет в голову...

Она явно недооценила Марка. Забыла, что он привык добиваться своего. Марк вовсе не собирался этим вечером коротать время в одиночестве. Он отправился следом за ней. Ему захотелось узнать, чем она будет заниматься. Захотелось увидеть ее знакомых. Судя по всему, он рассчитывал, что сумеет угадать, какое условие она ему поставит. Вероятно, решил, что тогда будет иметь преимущество в завтрашних переговорах.

Генри вернулся с бокалом шампанского и церемонно подал его ей. А вот Марк никогда и ничего не делал церемонно. Это качество не было ему свойственно.

– Большое спасибо, – поблагодарила она графа с чарующей улыбкой и сделала глоток шампанского, стараясь не смотреть на мужа.

Все же невозможно отрицать очевидное. Он был великолепен в черном вечернем костюме. А юные француженки в платьях пастельных тонов вились вокруг него словно бабочки.

Не в силах сдержаться, Николь уставилась на Марка. Да-да, конечно же, он явился сюда с конкретной целью – хотел угадать ее условие. Ну и пусть. Все равно у него ничего не выйдет. О том, что ей нужно, он не сможет догадаться ни

при каких обстоятельствах.

Глава 7

Марк изобразил самую очаровательную улыбку из своего арсенала. Ею он пользовался, когда находился на каком-либо светском мероприятии в окружении женщин, уделявших ему повышенное внимание. А сейчас он улыбался, кланялся и даже иногда подмигивал – самым смелым из юных дам, но ему не нравилась компания жеманных хихикающих девиц. Хотя со стороны казалось, что он уделял внимание каждой из них и наслаждался происходящим, все его внимание было приковано к Николь.

Она сменила обтягивающие бриджи на ослепительное бальное платье сапфирового цвета, которое плотно облегалo пышную грудь и ниспадало к полу изящными складками. И выглядела она волшебно. Впрочем, так было всегда. Правда, Марк бы солгал, если бы стал утверждать, что не предпочитал ее в бриджах.

А проклятый граф не отходил от нее ни на шаг. Он даже позволял себе иногда касаться ее руки, и в такие мгновения Марк инстинктивно сжимал кулаки. Он уже кое-что выяснил о графе. Этот человек был отпрыском скучной, хотя и весьма уважаемой семьи. Ему принадлежало соседнее поместье, которое содержалось на доходы от продажи лавандового масла. Он был богат, но не чрезмерно. И ухаживал за Николь уже два года.

Марк сделал глоток шампанского (проклятье, ну почему на таких мероприятиях не подают бренди?) и ответил на беглом французском на какой-то вопрос, заданный одной из девиц. Француженки намного смелее и раскованнее англичанок. Они говорили и делали то, что в Англии могло бы вызвать скандал. Впрочем, Марку это нравилось.

Он заметил, что Николь весело рассмеялась, слушая графа. Затем подняла изящную руку, обтянутую тонкой белой перчаткой, и отбросила со лба рыжий локон, выбившийся из прически. Марк в задумчивости смотрел на красивую пару. «Влюблена Николь в графа или нет?» – спрашивал он себя. Узнать это можно было только одним способом – наблюдать. Чем он сейчас и занимался.

– Мадемуазель, вы должны разойтись, – проговорил мелодичный голос за его спиной. – Вы ведете себя как пчелиный рой. Генерал, вероятно, боится, что вы начнете его жалить.

Марк обернулся и увидел привлекательную блондинку лет тридцати или чуть больше. Она улыбнулась окружающим его девицам, и те моментально разбежались, оставив Марка наедине с блондинкой.

– Могу я предложить вам еще шампанского? – спросила она.

Марк понял по выговору, что французский – ее родной язык. На ней было свободное золотистое платье, а на шее крупные рубины.

– Я бы предпочел что-нибудь покрепче, если это возможно, – сообщил Марк и одарил незнакомку улыбкой.

– Да, конечно. Николь права, вы очаровательны. – Женщина лукаво усмехнулась, затем щелкнула пальцами, и рядом тотчас возник лакей. Она велела ему принести гостю бренди, и слуга поспешил за напитком.

– Николь сказала, что я очарователен? – Марк был искренне удивлен. Впрочем, удивление было приятным.

Женщина протянула ему руку и проговорила:

– Я герцогиня де Фронтенак. Думаю, вы уже встречались с моим мужем.

Ах, значит, это хозяйка дома. Да, Марк встречался с ее мужем всего несколько часов назад. Он попросил герцога уделить ему несколько минут, и результатом короткой беседы стало приглашение на бал (как Марк и рассчитывал).

Марк низко поклонился и поцеловал хозяйке руку.

– Счастлив познакомиться, мадам. Спасибо за любезное приглашение на этот восхитительный бал.

Герцогиня звонко рассмеялась.

– Если верить моему мужу, вы сами себя пригласили, но я очень рада. Признаюсь честно, мне давно хотелось с вами познакомиться.

Марк спрятал улыбку, поднося к губам бокал. Французы иногда очень прямолинейны, и это хорошо. Конечно же, Николь тоже это нравилось. Марк медленно допил шампанское. Затем подошел лакей с напитками, и генерал заменил пустой бокал на полный.

– Вам давно хотелось со мной познакомиться? – с некоторым опозданием удивился он.

– Да, ваша жена много о вас рассказывала. Мы с ней старые друзья.

Странно, что Николь кому-то доверилась, тем более – француженке. Сам он испытывал некоторые проблемы с доверием, когда речь шла о французах.

– Уверен, ее слова были для меня весьма лестными, – с откровенной иронией заметил Марк.

– Некоторые из них действительно были лестными, – ответила герцогиня и пригубила шампанского.

– А остальные? – усмехнулся Марк.

– Остальные были... другими, – чуть помедлив, отозвалась собеседница.

– Понимаю. – Марк снова усмехнулся. – Николь давно здесь живет?

– Полагаю, вам это отлично известно, месье.

Да, конечно. Три года. До этого Николь жила в Париже. Но Марку хотелось знать, скажет ли его собеседница правду.

– Кроме того, – продолжала герцогиня, – разве не странно, что муж не знает, где его жена?

– Я полагал, Николь рассказала вам, что мы... живем отдельно.

– Разумеется. – Герцогиня покосилась на Николь и кивнула ей. – Мы очень близки. Я многое о ней знаю.

– Например?

Герцогиня сделала еще глоток шампанского и тихо вздохнула.

– Она умна, красива... и очень одинока.

– Одинока? – Марк едва не поперхнулся своим бренди. Ему пришлось приложить усилие, чтобы сохранить внешнюю невозмутимость. – Но она вовсе не выглядит одинокой. – По подсчетам Марка, кроме графа вокруг Николь постоянно вилось от трех до пяти мужчин.

Он сосредоточился на ее лице. Да, действительно: несмотря на завораживающую улыбку, лицо было лишено живости и глаза казались грустными.

– Внешность может быть обманчивой, месье, и вам это, безусловно, известно, – проговорила герцогиня.

Марк снова обратил все свое внимание на блондинку. Сказала ли ей Николь, чем он занимается? Что он старый шпион? Похоже, что да.

– Вы правы. – Он не стал спорить. Да, внешность может быть обманчивой. Слова – тоже.

Он вспомнил ту ночь, когда впервые увидел Николь. Она показалась ему особенной, непохожей на других. И очень одинокой.

Марк взял ведро с водой, приготовленной для лошадей, и выплеснул на человека, укравшего серебряную ложку у загадочной молодой женщины – таких ему прежде не приходилось встречать. Плохо, что она аристократка. И дебютантка к тому же. Что может быть хуже? Наивная, невинная, находящаяся под постоянной бдительной охраной... Странно было встретить ее вне дома, да еще – преследующую вора. Весьма необычное развлечение для девушки благородного происхождения.

Очевидно, у нее не слишком много ума. Ведь ее могли убить или изнасиловать – и вор, укравший ложку, и он сам. Нет, Марк, конечно, не был ни убийцей, ни насильником, но ведь она этого не могла знать. Девушка проявила крайнее неблагоразумие, покинув дом в одиночестве, тем более – с такой внешностью. Рыжие словно огонь волосы, любопытные зеленые глаза, а лицо – словно написанное кистью великого художника. Марк играл с ней, не называя свое имя. Играл, сам не зная почему. Он делал вид, что не знал ее, но, разумеется, если она жила в этом доме, то приходилась внучкой вдовствующей графине Уитби.

Вор закашлялся и наконец-то открыл глаза. Затем приподнялся на локтях и, с трудом повернув голову, потрогал шишку, вздувшуюся на лбу.

– Какого черта? Что здесь происходит? – прохрипел он.

Марк присел рядом.

– Тебя поймали на краже, мой друг. Предлагаю тебе поскорее смыться. Ведь хозяйка дома вот-вот вызовет стражу.

Глаза воришки наполнились страхом.

– Так это ты меня свалил?

Марк выпрямился и насмешливо улыбнулся.

– Совершенно верно: это был я.

Мужчина похлопал себя по карманам, вероятно – в поисках ложки.

– Ее там нет, – любезно сообщил Марк. Он неторопливо раскурил сигару, наблюдая за воришкой.

– Ты ее взял?

Марк сделал глубокую затяжку.

– Я вернул ее законной владелице, которая сказала, что пошлет лакея за стражей. Я заверил ее, что позабочусь о тебе сам.

Незадачливый воришка поднялся на ноги и сделал шаг назад, глядя на Марка с подозрением.

– Ты не собираешься сдать меня властям? – пробормотал он.

Марк с усмешкой покачал головой.

– Нет, не собираюсь. У меня есть более интересные занятия, чем сдавать полицейским бедняков, принявших неверное решение. Советую тебе найти честную работу и отказаться от воровства. В армии всегда не хватает хороших людей.

Мужчина со вздохом пробормотал:

– Не такой уж я хороший человек...

– Но можешь им стать. Так что подумай об этом. – Марк достал из кармана визитную карточку и протянул воришке. – Если решишь изменить свою жизнь, найди меня. Если нет – прощай.

– Спасибо, спасибо... – забормотал мужчина, подобрал с земли свои вещи, поспешил удалиться.

А Марк какое-то время в задумчивости рассматривал дом, в который его привела судьба. Наконец, отбросив сигару, он раздавил ее каблуком сапога и тихо вздохнул. Пора было вернуться в зал. Он не сомневался, что вскоре пожалеет о своем решении, но очень уж ему хотелось рассмотреть рыжеволосую при ярком

свете. Может, она редкостная красавица? Что ж, может, и так. Но был только один способ это выяснить.

Марк помотал головой, с некоторым усилием вернувшись к реальности. В данный момент он находился в бальном зале герцогини де Фронтенак и смотрел на красавицу Николь. Увы, воспоминания таили в себе опасность. Они могли заставить его пожелать невозможного: к примеру – стать совершенно другим человеком.

– Она здесь счастлива? – спросил он у герцогини и сам себе удивился. Он вовсе не собирался задавать подобные вопросы.

Герцогиня устремила на Николь задумчивый взгляд.

– Она проводит много времени в местном сиротском приюте – ухаживает за детьми.

Марк нахмурился. Сиротский приют? Это что-то новое. Или Николь хотела, чтобы он так думал, поэтому попросила герцогиню сообщить ему эти сведения?

– И это все? – спросил он.

Ведь Николь не могла все свое время уделять одному только приюту...

Герцогиня пожала плечами.

– Иногда она помогает местной полиции в расследовании преступлений.

– Жандармам? – Марк засмеялся слишком уж громко. – Что ж, это больше на нее похоже.

– Да, жандармам. И они ей очень благодарны.

– А граф знает, чем она занимается? – Марк не мог не задать этот вопрос. И он с удовольствием представил свои пальцы на шее графа.

– Можете задать этот вопрос самому графу, если хотите, – с усмешкой ответила герцогиня.

Марк пристально посмотрел на красивую пару. Потом вдруг спросил:

– Они любовники? – Если уж он сегодня задает столько нескромных вопросов, то вполне может спросить о том, что интересовало его больше всего.

Герцогиня прищелкнула языком.

– Мой дорогой генерал, вам придется выяснить это у своей жены. Я не распространяю чужие секреты.

– Да, верно, французы любят тайны... – протянул он, поморщившись.

– Да, вы правы. – Герцогиня опять пригубила шампанского.

Марк кивнул в сторону Николь и ее поклонников.

– Граф хочет ее, не так ли?

Губы герцогини дрогнули в слабом намеке на улыбку.

– Разумеется. Они все хотят. Но ее сердце принадлежит только одному мужчине.

Глава 8

Граф открыл двери на балкон, и Николь почувствовала легкий ветерок. Она вышла, облокотилась о перила, прикрыла глаза и вдохнула густой запах лаванды.

Сзади подошел граф. Николь не слышала его шагов. Он, как всегда, двигался почти бесшумно.

– Тебе здесь нравится? – спросил он.

– Очень. – Она открыла глаза и делано улыбнулась. – Мне просто нужен был глоток свежего воздуха.

Граф оглянулся на бальный зал.

– Его присутствие тебя тревожит? Если хочешь, я могу попросить его уйти.

– В этом нет необходимости. – Николь не стала говорить о том, что просить Марка уйти – занятие совершенно бессмысленное. Этот человек делал только то, что хотел и когда хотел.

– Зачем он приехал? – спросил Генри. Его синие глаза тревожно блестели, а светлые волосы теребил ветер.

Николь тяжело вздохнула. Она уже хотела ответить, но тут двери распахнулись и на пороге появился Марк с двумя бокалами бренди в руках. Он уверенно направился к жене и протянул ей один из бокалов.

– Я решил заменить слабое шампанское на то, что тебе больше нравится.

– Ты, как всегда, тактичен, – усмехнулась Николь.

Одернув полы своего желтого, украшенного вышивкой шелкового сюртука, Генри откашлялся и проговорил:

– Месье, мы с леди имели приватный разговор, и я...

– А теперь приватный разговор будет у леди со мной, – перебил Марк, взял у Николь бокал с шампанским, сунул его в руку графа и жестом указал на дверь. – Надеюсь, вы отнесете это в кухню. Мадам Гримальди будет вам очень благодарна.

Ноздри Генри затрепетали. Он, конечно, предполагал, что англичане могут вести себя грубо, однако же... К несчастью для себя, он понятия не имел, насколько упрямым и грубым мог быть этот конкретный англичанин. Николь

пришлось срочно вмешаться, чтобы разрядить обстановку.

– Все в порядке, Генрих. Очевидно, генерал хочет мне что-то сказать.

– С тобой все будет в порядке? – спросил Генри с беспокойством.

– Да, – ответила Николь и улыбнулась.

Марк закатил глаза, и Николь в раздражении прищурилась. Но француз больше не задавал вопросов и молча удалился.

Николь устремила взгляд на лавандовые поля и снова улыбнулась. Она попросила Генри выйти с ней сюда по одной-единственной причине – хотела выяснить, пойдет ли Марк за ними. И сейчас она всем телом ощущала его присутствие.

– Спасибо за бренди. – Николь сделала маленький глоток.

– Не за что, дорогая.

Ах, она уже успела позабыть, какой у него приятный голос.

Николь нахмурилась. Да, он пошел за ней, но вовсе не потому, что ревновал. А если даже испытывал ревность, то совершенно иную. Просто ему не нравилось присутствие другого мужчины рядом с тем, что он считал своим, будь то женщина или, например, пистолет. Марк самодоволен и склонен к соперничеству. Если бы граф вышел на балкон с его коробкой сигар, Марк направился бы следом и потребовал возврата своей собственности. А если серьезно, похоже, Марк просто искал ссоры. Надо будет предупредить Генри, чтобы держался в стороне.

Она вздохнула и тихо спросила:

– Итак, о чем ты хотел поговорить со мной наедине? Я же сказала, что изложу свои условия завтра. – Только теперь Николь поняла, как давно не говорила на родном языке. Хотя она учила французский с раннего детства, английский оставался ее любовью.

Марк подставил лицо легкому ветерку, наполненному запахом лаванды. Сейчас он стоял совсем близко, и его запах – легкий аромат одеколона – будоражил чувства и пробуждал воспоминания.

– Ты собиралась здесь целоваться с графом?

Брови Николь взлетели на лоб, но она постаралась скрыть удивление. Это было не так уж трудно, поскольку на балконе царил полумрак.

– А ты собирался целоваться здесь с бабочками? – спросила она с усмешкой.

– С какими еще бабочками? – Марк нахмурился.

– С роем молодых девиц, не отпускавших тебя весь вечер.

Марк был явно озадачен. И Николь вдруг заметила, что он с утра не брился, – его подбородок уже покрылся короткой щетиной. Вспомнив, как эта щетина когда-то щекотала ее лицо, она ожесточенно заработала веером – словно старалась таким образом отогнать непрошенные воспоминания.

– Девицы не в моем вкусе, – сообщил Марк. – Я предпочитаю женщин.

– Правда? – Она сделала еще один глоток бренди, стараясь не думать о женщинах, которых он... «предпочитал» с тех пор, как они расстались.

– Да, чистойшей.

– И какие женщины тебе особенно нравятся? – Она затаила дыхание в ожидании ответа. Ох, как ее угораздило начать такой опасный разговор?

– Такие, как ты.

Николь невольно вздрогнула, но тут же справилась с собой и рассмеялась.

– Пытаешься мне польстить, чтобы я выполнила твою просьбу?

Марк какое-то время молчал, глядя куда-то вдаль, потом, не поворачиваясь к ней, спросил:

– Мне это удастся?

– Это зависит от многих обстоятельств.

– От каких например?

– Главным образом от того, согласишься ли ты на мое условие.

– Какое условие? – На его губах заиграла улыбка, но он тотчас отвернулся и снова стал смотреть вдаль.

«Интересно, что он там видит? – подумала Николь. – Ведь темно!» Снова вздохнув, она ответила:

– Скажу тебе об этом завтра. Пока я еще не готова, но... Признаюсь честно, я восхищена твоим упорством.

Марк покосился на жену.

– Ты знала, что я буду здесь, не так ли?

– Конечно.

– Поэтому ты вышла на балкон с графом? Чтобы заставить меня ревновать?

Николь коснулась кончиком пальца серьги в ухе.

– А ты ревнуешь?

– Еще как! – В его ответе была такая порция сарказма, что Николь невольно поморщилась.

Глотнув бренди, она сообщила:

– Генри хочет на мне жениться.

Муж не смотрел на нее, но краем глаза она заметила, как напряглось его лицо.

– Ты уже замужем, – проворчал он.

Николь ощутила странное волнение. Она его больно задела, – а ведь лишь очень немногим удавалось одержать верх над Марком Гримальди.

– Ну, это всегда можно изменить, – заметила она с усмешкой.

Глава 9

Стиснув зубы, Марк наблюдал, как Николь, покачивая бедрами, возвращалась в бальный зал. Он испытывал сильное возбуждение. Что за черт? Он не мог припомнить, когда в последний раз так сильно желал обладать женщиной. Разумеется, он периодически занимался самоудовлетворением, однако это был чисто физический акт – как еда или сон. Однако же, когда Марк занимался этим, всегда представлял рыжие волосы, розовые губки и глаза Николь – синие как море.

Он отвернулся от бального зала и снова вперил взгляд в темнеющие поля. Теперь он не сомневался! Будь оно все трижды проклято! Герцогиня ведь сказала ему, что Николь влюблена в графа. И она хотела попросить его, Марка, о разводе. Таково ее условие. Ну и ладно. Если она хотела именно этого, у него оставался только один выход – договориться с ней об отсрочке.

Согласится ли она называться его женой еще год или два? Год – это минимальный срок, на который он мог согласиться. Ему требовалось время, чтобы утвердиться в новой должности. Нужно время, чтобы проработать политические аспекты развода. Если поговорить с правильными людьми, призвать на помощь друзей, они, возможно, смогут повернуть дело без лишнего шума и сплетен. Проблема крайне деликатная. А что, если придется сослаться на мужское бессилие? Или на ее безумие? Нет-нет, это неприемлемо. Надо будет что-то придумать, чтобы развод был тихим. Марк перебирал в уме

все возможности, но ничего не мог придумать.

Проклятье! Он на мгновение зажмурился. Как его угораздило попасть в такую ситуацию? Ирония судьбы в его случае очевидна. Он почти два десятка лет верой и правдой служил короне. Корона потребовала от него полной самоотдачи – преданности, времени, жизненных сил. У него просто не было возможности вступать в отношения с женщинами. Неудивительно, что они с Николь разъехались и стали чужими друг другу. Останься они вместе, она бы наверняка его бросила.

А теперь, когда он решил пожертвовать всем ради этой должности, корона потребовала, чтобы он остепенился и начал изображать счастливого отца семейства. Хотя когда-нибудь ему все равно пришлось бы разобраться с Николь. Нелепо думать, что окончательного разрыва вообще можно избежать.

Она ждала сообщения о его гибели. И едва не дождалась. Это было пять лет назад. Он попал в плен к французам. Его немилосердно пытали, и он оказался на волосок от смерти. Тогда его спас верный друг Рейф Кавендиш. Рейф с друзьями проник во французский лагерь среди ночи, убил стражу и выкрал его. А потом ему пришлось восстанавливаться много месяцев. У него было сломано больше десятка костей помимо носа.

Марк грустно улыбнулся. Да, он пожертвовал всем ради карьеры. Он даже не мог ни с кем по-настоящему подружиться. Рейф и Кейд, братья-близнецы, были его единственными друзьями, но и с ними приходилось соблюдать дистанцию. Ведь он был их командиром, поэтому не мог подпустить к себе слишком близко. Вот такую цену он заплатил...

Николь понятия не имела, что приложила руку к его спасению. Каждый день в том французском лагере он думал о ночах, проведенных с ней, думал об их недолговечном счастье. Воспоминания о ней помогли ему справиться с самыми тяжелыми моментами в жизни, но он бы скорее вернулся обратно в лагерь военнопленных, чем признался ей в этом. Она бы швырнула такое признание ему в лицо.

Марк снова повернулся к бальному залу. Поставив бокал на перила, он достал сигару и подошел к горящей свече, стоявшей на столе. Прикурив, с наслаждением вдохнул сладковатый дым.

Николь оказалась не такой, как он думал, когда женился на ней. Он очень быстро узнал, что она коварная лгунья. Но тогда, в лагере, он представлял ее себе совсем другой – юной невинной девочкой, любившей свободу. Такая девочка могла выбежать вслед за вором на темный двор и очаровательно флиртовать с простым солдатом.

Марк глухо застонал. Вероятно, такой конец был неизбежен. Рано или поздно она все равно потребовала бы развода, чтобы выйти замуж. Герцогиня сказала, что Николь одинока. Но он, Марк, в это не верил. Вокруг нее было слишком много мужчин, жаждавших ее внимания. Возможно, говоря об одиночестве, герцогиня имела в виду совсем другое... Очевидно, Николь нуждалась в свободе, чтобы выйти за графа.

Хотя Марку очень хотелось сломать ему челюсть, он не мог винить графа. Николь – роскошная женщина. Умная и полная жизни. Она станет отличной женой... правильному мужчине.

Марк и Николь ни в чем не винил. Она вовсе не должна всю жизнь страдать ради брака, которого, по сути, не было.

Вернувшись к перилам, Марк осушил свой бокал. Все будет хорошо. Они обязательно найдут приемлемое решение, и оба будут счастливы.

Глава 10

Николь стояла в гардеробной и в растерянности озиравлась. Что надевает женщина для крайне неприятного разговора с мужем, которого не видела десять лет?

В конце концов она выбрала простенькое розовое платье с рукавами-буф и кружевами на корсаже. Больше всего в этом платье ей нравился низкий вырез, выгодно подчеркивавший грудь. Марк накануне обратил внимание на ее декольте. Он, разумеется, старался смотреть незаметно, но от нее его интерес не укрылся. И ей было приятно, что греха таить. А сейчас ей требовались все возможные преимущества в предстоящем разговоре, и если их обеспечивало

декольте, открывавшее ложбинку между грудями, то так тому и быть.

Горничная помогла ей одеться и уложила волосы в элегантную прическу, оставив несколько прядей, которые красиво обрамляли лицо. На шею Николь надела жемчужное ожерелье – фамильную драгоценность. Образ завершили несколько капель лавандовых духов. Закончив, Николь остановилась перед большим зеркалом в деревянной раме, висевшим в спальне. Какой ее увидел Марк? Заметил ли произошедшие в ней перемены? Перемены в его облике были для нее очевидны. Он оставался самим собой, но стал намного привлекательнее. Его лицо похудело, а в уголках глаз появились тонкие морщинки, что придавало его внешности больше власти. Горбинка же на носу... Почему-то Николь неудержимо хотелось провести по ней пальцем. Интересно, что он думал о ней теперешней? Постарела? Некогда пышный цветок отцвел?

Негромкий стук в дверь вернул ее к реальности.

– Пришел месье генерал, мадам, – сообщила горничная.

Николь посмотрела на часы, висевшие на стене. Марк явился вовремя. Впрочем, он никогда не опаздывал. Коллеги называли его каменным человеком. Лишенный эмоций, спокойный, собранный, ответственный, пунктуальный. У него не было друзей. Друзья могли предать. У него не было семьи. По крайней мере, он так считал. Он действительно был словно камень. Статуя, а не человеческое существо. Он никогда не позволял себе такого недочета, как опоздание. Что ж, очень хорошо. Теперь он здесь, и она должна изложить ему свои условия. Следовало покончить с этим. А самое худшее, что могло случиться, это если он скажет «нет». Но она к этому готова.

Николь сделала глубокий вдох, затем медленно выдохнула. Был только один способ встретить этот жизненно важный момент. Его следовало встретить смело. Если она не выскажет свою просьбу сейчас, то никогда не получит желаемого. А ее супруг едва ли еще раз появится у нее на пороге со шляпой в руке и с просьбой о любезности. Так что надо воспользоваться случаем. Тем не менее от нервного напряжения у Николь дрожали колени. Она медленно вышла из спальни, прошла по коридору к лестнице и судорожно вцепилась в мраморные перила. Спустившись в вестибюль, подошла к двери гостиной и остановилась. Сердце ее гулко стучало. Выждав немного, Николь судорожно сглотнула и рывком распахнула дверь.

Марк стоял у камина. На нем были серые брюки, сапфирового цвета жилет и белая рубашка. Сапоги, как всегда, начищены до блеска.

Как только дверь распахнулась, он обернулся. Ну почему, скажите на милость, этот мужчина всегда столь непозволительно красив? Если не считать сломанного носа, его лицо могло бы служить моделью для статуи какого-нибудь римского божества. Волосы, как обычно, лежали безупречно – волосок к волоску, – даже если он позволял себе взъерошить их пятерней. Каким-то непостижимым образом они неизменно возвращались на положенное им место. Вот и сейчас темные блестящие пряди лежали ровно – словно солдаты, замершие в строю.

Николь взглянула в глаза мужа, и ее пронзило какое-то странное чувство. Что это было – желание? Тяжело дыша, она потупила взор. Вожделению не место в этом разговоре. Она должна сохранять холодную голову. Ей предстояли переговоры с мастером своего дела.

Николь подошла к диванчику и села.

– Хочешь, я прикажу подать чай? – спросила она и тотчас поняла, что голос прозвучал слишком неуверенно.

– Нет, – сказал он и сделал шаг к ней. – Я хочу только одного – услышать твое условие.

Она кашлянула и невесело усмехнулась.

– Всегда прям до неприличия.

– А ты ожидала от меня чего-то другого?

– Нет. Присядь, пожалуйста, Марк. – Это была грамотная переговорная тактика. Если он сядет, они будут на равных.

Скорчив недовольную мину, Марк неохотно сел. Он выбрал стул, стоявший под прямым углом к дивану, уперся локтями в колени и слегка наклонился к жене. Сейчас он находился так близко, что она чувствовала запах его одеколona –

пряный и хвойный. Она закрыла глаза. Что же это такое? Ничего не помогает!

– Послушай, – заговорил Марк; ему явно надоело ждать. – Я знаю, что ты хочешь сказать.

– Знаешь? – Николь нахмурилась. Она видела, как накануне он разговаривал с Луизой, герцогиней де Фронтенак. Но ведь подруга не могла сказать ему, что ей надо, чего она так давно хотела...

– Да, – ответил Марк. – Я думал об этом всю ночь. Уверен, есть способ решить, как это сделать.

Николь едва не рассмеялась.

– Как это сделать? Я думала, ты уже знаешь, как это делается.

Он пожал плечами.

– Знаю, конечно, но существуют осложнения. И тебе это хорошо известно. Все очень непросто.

Николь поджала губы. Из груди ее рвался смех.

– Я никогда не считала, что это просто. Но что ты подразумеваешь под осложнениями?

– Обычные сложности. Юридические формальности, сплетни... и все прочее. И потом, существует проблема выбора времени.

Николь прищурилась. Черт возьми, о чем он говорит?

– Выбор времени? Юридические формальности? – пробормотала она в растерянности.

Марк со вздохом кивнул.

– Да, конечно. Учитывая мое новое назначение, выбор времени чрезвычайно важен. И ты должна это понять. Развод неизбежно вызовет скандал, в который будем вовлечены не только мы, но и наши семьи.

– Развод?.. – Николь ахнула и прижала руку к груди.

– Да. – Марк снова кивнул и тут же спросил: – Разве ты не этого хочешь?

Николь откинулась на спинку дивана. Сердце ее бешено колотилось в груди, и она чувствовала одновременно раздражение и трепет.

– Нет, я не хочу развода. Пожалуй, наоборот. Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью.

Глава 11

Марк замер в изумлении. Слова Николь ошеломили его и лишили дара речи. Некоторое время он безуспешно пытался осмыслить услышанное. При этом рот его то открывался, то закрывался, но он не мог произнести ни слова и лишь молча тараторил на жену. Разумеется, ему и раньше приходилось ошибаться: раз или два в жизни, когда он был ребенком, то есть очень давно, – но чтобы так ошибиться, понять что-либо с точностью до наоборот – такого с ним еще никогда не случалось. Подобную ошибку можно было сравнить лишь с ошибкой Наполеона при выборе времени начала сражения при Ватерлоо.

Осознание того, что он мог совершать такие грубейшие ошибки, было для Марка Гримальди совершенно неожиданным. В результате он, утратив свое обычное спокойствие, в растерянности переспросил:

– Заняться любовью... с тобой?

Тут Николь вскочила на ноги и, скрестив руки на груди, прокричала:

– Да, идиот! Черт возьми, кто тебе сказал, что я хочу развода?! Я хочу ребенка, вот чего я хочу! – Она немного покраснела, став еще привлекательнее. Николь

становилась потрясающей красавицей, когда злилась.

– Но только вчера ты сама сказала, что граф хочет жениться на тебе, – пробормотал Марк – и снова замер. Стоп! Что она сказала?.. Хочет ребенка?..

– Он действительно хочет жениться на мне. Но это вовсе не означает, что я хочу за него замуж.

Марк тоже встал и шагнул к жене. И также скрестил руки на груди. На время отложив разговор о ребенке, он спросил:

– Тогда зачем ты об этом сказала?

Николь едва заметно повела плечиком.

– Тебя слишком занимало его присутствие, вот и сказала...

Марк прижал пальцы к тому месту на лбу, где начала зарождаться головная боль. Проклятье! Как он мог настолько неправильно оценить ситуацию?

– Но ведь герцогиня сказала, что у тебя толпа поклонников!

– Да, это правда. И что же?.. – Николь изобразила безразличие.

– Так-так, погоди... – Марк помотал головой, все еще не в силах осмыслить слова жены. – Значит, ты говоришь, что не хочешь развода?

– Верно, я не хочу развода, – отозвалась Николь и вдруг со злостью выпалила: – Ты что, спятил? Ведь развод – это позор для наших семей!

– У тебя роман с графом? – Марк прищурился.

Николь одарила мужа яростным взглядом.

– Это не твое дело. Но если тебе важно знать, то нет у меня с ним никакого романа. Ребенок, которого я буду носить, будет твоим, если ты согласишься на

мое условие, – в этом можешь не сомневаться.

Марк со вздохом отошел от жены и запустил пятерню в волосы. Проклятье! Условие Николь оказалось настолько неожиданным, что он никак не мог его осмыслить. И уж точно не знал, что ответить, чего с ним никогда раньше не случалось. А ведь обычно он точно знал, что в тот или иной момент скажет его собеседник. Как же он не предвидел такого развития событий? Значит, ребенок? Но ребенок означает, что они и впрямь будут заниматься любовью... Хм... любопытно.

Марк протер кулаками глаза и хмуро уставился на жену.

– Выходит, ты хочешь ребенка? – пробормотал он.

– Да, хочу, – ответила Николь и для верности еще и кивнула.

– От меня? – Вопрос был идиотским, но удивление действительно превратило его в идиота. Ему только хотелось верить, что это ненадолго.

Николь вскинула голову и с отчетливым сарказмом ответила:

– Так уж случилось, что ты – единственный муж, который у меня в данный момент имеется.

О боже! Марк прижал пальцы к вискам, пульсировавшим болью.

– Но почему ты раньше никогда не говорила об этом?

Жена закатила глаза.

– Потому что ты избегал меня в течение десяти лет. Или уже не помнишь?

– Я не избегал тебя в течение десяти лет. Все это время ты жила во Франции.

Николь изобразила удивление.

- Вот как? И ты, разумеется, за эти десять лет ни разу не был во Франции?

- А ты разве ни разу не приезжала в Англию?

- Нет никакого смысла сейчас спорить об этом! - Николь в раздражении всплеснула руками. - Теперь ты знаешь мое условие. И волен согласиться или отказаться. Карты в твоих руках, генерал. Играй.

Марк строевым шагом отошел в другой конец комнаты. Будь все проклято! Он был готов к разводу. Он собирался принять развод. Но ребенок?.. Он понятия не имел, как к этому относиться. Он ведь никогда не думал о ребенке и принял как данность тот факт, что останется бездетным. Учитывая же состояние других членов его семьи... Возможно, это был наилучший выход.

- Но почему? - спросил он наконец. И снова приблизился к жене.

- Я хочу ребенка, а ты - единственное средство, с помощью которого я могу его получить, сохраняя респектабельность, - тотчас же последовал ответ.

- Я спрашиваю, почему ты хочешь ребенка. Ведь у меня нет титула, который можно было бы ему передать.

Николь вздрогнула и сжала кулаки. Присмотревшись, Марк понял, что она дрожит, и вероятнее всего - от едва сдерживаемого гнева.

- Ты считаешь, что титул - единственная причина хотеть ребенка?

- Скажи мне, почему? - настаивал Марк, стиснув зубы.

- Какая тебе разница? - Николь отвела глаза, и Марку показалось, что в них появились слезы. Или у него просто разыгралось воображение?

- Мне любопытно, вот и все, - ответил он.

Николь повернулась к нему спиной и пробурчала:

– Любопытство не является предметом наших сегодняшних переговоров. Достаточно сказать, что я хочу стать матерью. А ты получишь наследника. Ребенком буду заниматься только я. Тебе не придется даже пальцем пошевелить.

Марк не мог отвести глаз от ее изящной шеи и рыжих прядей, выбившихся из прически.

– То есть ты хочешь, чтобы какое-то время я спал с тобой, сделал тебе ребенка, но никогда его не увидел?

Николь вздохнула.

– Ты сможешь приезжать, если захочешь. Ребенку нужно знать своего отца. Мне всего лишь показалось, что ждать от тебя этого не стоит.

Марк нахмурился. Проклятье! Каким же монстром она его считает! Он обошел жену, чтобы видеть ее лицо.

– И ты всерьез считаешь, что я оставлю своего сына во Франции?

Николь посмотрела ему в глаза и покраснела.

– Я могу оставаться в Англии, пока ему не исполнится... скажем, десять лет.

– А потом?

Она пожала плечами.

– Обрато во Францию. В Африку. Куда угодно.

– Что, если родится ребенок женского пола?

– Значит, так тому и быть. – Николь вздохнула. – Просто хочу ребенка.

– А если я хочу именно наследника? – Марк прищурился.

Николь пожала плечами.

– Я считала, что тебе наплевать, иначе ты бы появился раньше.

Это было настолько близко к правде, что Марк стиснул зубы. Некоторое время оба молчали. Напряженную тишину нарушало только тиканье часов.

Наконец Марк собрался с силами и снова всматривался в лицо жены, пытаясь разглядеть... что именно? Он и сам толком не знал.

– Значит, речь идет об одном ребенке, мужского или женского пола – все равно. И мы с тобой... мы будем заниматься любовью, пока ты не убедишься, что беременна, а потом прекратим. Я правильно все понял?

– Да, совершенно верно, но... – Она прикусила губу и стала рассматривать свои туфельки. Ее щеки, до этого розовые, стали пурпурными.

«О господи! Это добром не кончится!» – мысленно воскликнул Марк.

– Что еще? – пробурчал он.

Николь снова подняла голову. Щеки ее пылали огнем.

– Только мы не будем заниматься любовью. Это будет просто постель... ради воспроизводства вида.

Марку стало трудно дышать. О чем говорит эта женщина? Он в полном недоумении развел руками.

– Я не вполне понимаю, о чем ты...

Она откашлялась и пробормотала:

– Ну, мы же не будем... получать удовольствие. Я только это имела в виду.

Голова Марка дернулась – словно он получил сильнейший удар в челюсть.

– Милая, я так или иначе все равно получу удовольствие.

Николь непроизвольно разинула рот, но тут же закрыла.

– Да-да, конечно. Я всего лишь хотела сказать, что это будет всего лишь... соитием.

– Соитием?.. – Марк поморщился; он был искренне раздосадован. – Если помнишь, время, проведенное в постели, не было нам в тягость. – Он понизил голос. – Мы всегда наслаждались близостью, Николь, и я, и ты. И никогда речь не шла... о соитиях.

Она взглянула мужу в глаза и сразу отвела взгляд.

– Марк, тебе обязательно надо усложнять и без того нелегкое положение?

– Да. Полагаю, что да, – ответил он, опершись рукой о каминную полку.

Николь снова сжала кулаки.

– Ох, ты невозможен. Просто скажи, «да» или «нет».

Марк выпрямился, одернул сюртук, развернулся и направился к двери.

– Куда ты? – спросила Николь, и на сей раз в ее голосе звучала паника.

– Обратно в гостиницу. Теперь уже мне необходимо время на размышления.

В течение нескольких часов Николь пыталась отвечать на письма. Ей регулярно писали кузины из Англии. Мама тоже писала довольно часто. Как обычно, письма ее начинались вопросом, поддерживает ли она связь с Марком. Кроме того, ей писали многочисленные подруги из Англии и Франции. Николь неделями не отвечала на письма, предпочитая верховые прогулки или другую активную деятельность сидению за письменным столом и описыванию того, что уже произошло.

Ее больше интересовало, что будет и как она сможет в этом будущем участвовать. Именно поэтому она выбрала такую жизнь. И поэтому приехала во Францию. Французы не столь склонны кого-либо осуждать, как англичане. Они не обращают внимания на такие вещи, как бриджи для верховой езды на женщине, равно как и на замужнюю женщину, годами живущую без мужа. Лишь немногие за все эти годы задавали ей вопросы о муже. Герцогиня же расспрашивала ее о муже довольно подробно, но ей-то можно, она близкая подруга. Даже Генри не приставал к ней с расспросами. Было много причин, заставивших Николь покинуть Англию. И все же, несмотря на широкий круг новых друзей и активную жизнь во Франции, она по-прежнему чувствовала себя одинокой.

Упершись локтями в письменный стол, она подпирала щеку ладонью. В другой руке она держала перо, которое так и не донесла до бумаги. Что скажет Марк? Он должен сказать «да»! Иначе и быть не может. Он больше всего на свете хотел повышения, и она весьма доходчиво объяснила ему, что ребенок не станет для него обузой. Николь вспомнила, каким стало его лицо, когда она сказала, что это будет просто соитие. Ох, он ужасно разозлился...

Этот человек очень гордился своими подвигами в постели, и Николь не могла винить его за это. Он действительно был фантастическим любовником, и ночи, проведенные с ним, оставались незабываемыми. Она и теперь, спустя десять лет, иногда просыпалась вся в поту, вспоминая их.

Николь тяжело вздохнула. Очевидно, она поспешила. Надо было дождаться его согласия, а уж потом говорить про соитие. Но очень уж ей хотелось как-то ранить, уязвить его. Ведь было чертовски неловко просить собственного мужа о том, чтобы спал с ней какое-то время. Десять лет назад он отверг ее. А раз так, то он ни в коем случае не должен был подумать, что она предвкушала их близость.

Чувствуя смутное беспокойство, Николь отбросила перо. Неужели она действительно предвкушала их близость? Неужели с нетерпением ждала ее? С тех пор как он приехал, она старалась не думать, каково это будет – снова оказаться с ним в постели. Хотя дело не всегда доходило до постели. Ее губы тронула улыбка. Постель вовсе не обязательное условие. Этому Марк научил ее. С правильным партнером можно получить море удовольствия, просто прислонившись к стене. А Марк, черт бы его побрал, был правильным партнером. После свадьбы они были вместе всего несколько месяцев, и за это время он изучил каждый дюйм ее тела и точно знал, где к ней прикоснуться и как. Он научил ее понимать и его тело тоже. Она знала, что ему особенно нравилось и как...

Николь бросило в жар. Вспыхнув, она схватила со стола тонкий веер и начала энергично обмахиваться. Проклятье! За один только день после появления Марка она краснела гуще, чем за все предыдущие десять лет. Как это у него получалось? Ведь она давно уже не та скромная робкая девушка... Теперь она взрослая женщина.

Николь думала об этом всю прошедшую ночь. Думала о том, как снова ляжет в постель с Марком, чтобы зачать ребенка. И она не станет беречь старые раны, которые успели зарубцеваться за прошедшие годы. Она этого не допустит. А единственный способ этого не допускать – не повторять те страстные ночи, которые они проводили вместе, когда были молоды и влюблены (по крайней мере, она). Иначе все опять закончится разбитым сердцем. В тот, первый раз она едва пережила их разрыв. Второй раз это уж точно не случится. Чтобы их сделка сработала, ей следовало строго выполнять собственное условие: между ними будет просто физическая близость, а не любовь.

Впрочем, Николь прекрасно понимала: мужчина получает удовольствие вне зависимости от того, испытывает ли его женщина. Но Марк-то никогда не оставлял ее неудовлетворенной. И он даже радовался, видя, что она получала удовольствие. Причем всякий раз она достигала пика наслаждения раньше, чем он. Конечно, этот мужчина упрям как мул: всегда старался быть главным во всем, – но, видит Бог, он потрясающий любовник.

Ей будет очень трудно лечь с ним в постель, так как это сделает ее уязвимой – и не только тело, но также разум и сердце. А с сердцем играть опасно. И если Марк не согласится на ее условие относительно простого и ни к чему не обязывающего соития, так сказать, механического акта, то придется...

При этой мысли у нее участился пульс. Что ж, тогда она снова получит удовольствие, о котором почти забыла за прошедшие десять лет. Да-да, если это обеспечит ей ребенка, то пусть так и будет. Игра стоит свеч. Ведь ребенок будет любить ее безо всяких условий и никогда ее не покинет. Она же сможет посвятить ему всю свою жизнь.

Николь закрыла веер и бросила на стол. О ребенке она мечтала уже много лет. И теперь, когда войны наконец-то закончились, ее время пришло. Правда, она лучше умерла бы, чем сама бы отправилась к Марку с этой просьбой. К счастью, он внезапно появился на ее пороге и попросил об услуге... Она невольно улыбнулась. Да-да, это совсем другое дело. И она будет дурой, если не постарается извлечь пользу из создавшейся ситуации.

Николь встала, подошла к окну и, отдернув занавески, посмотрела на расстилавшиеся за окнами поля. Внезапно ей стало холодно. Она представила себе малыша, играющего на зеленой травке, и у нее защемило сердце. Она почувствовала странное томление, не такое, как то, что некогда испытывала рядом с Марком, но не менее глубокое и сильное.

Марк спросил, почему она хотела ребенка. Такого вопроса Николь не ожидала. Она скорее согласилась бы умереть самой мучительной смертью, чем сказала бы ему настоящую причину. Она ужасно одинока, и ей необходимо хотя бы одно живое существо в этом мире, которое будет любить ее без причин и условий. Ее отец умер, когда она была ребенком, а мать никогда не делала секрета из того, что не согласна со всеми решениями дочери. Именно поэтому переезд во Францию много лет назад дался ей так легко. Таким образом она спасалась и от катастрофического брака, и от надзора матери. Единственным человеком, по которому она действительно скучала, была бабушка. Когда три года назад Николь сообщили о ее смерти, она рыдала много дней. Ей не удалось даже проститься с бабушкой. Письмо пришло через две недели после похорон.

Она стала машинально водить пальцем по оконному стеклу. Да, у нее были сложные отношения с матерью, только она никогда не допустит, чтобы такие же отношения сложились у нее с собственным малышом. Ребенок – это ее шанс создать счастливую семью, которой у нее никогда не было. Ребенок будет рядом каждый день, и она ему будет нужна. И тогда – конец одиночеству.

Но если она все это скажет Марку, то он поднимет ее на смех. Он всегда считал, что она коварная лгунья. Увы, прошлое сделало его никому не верящим сукиным сыном (даже когда речь шла о его собственной жене). А ведь поначалу он казался ей таким открытым, и он так отличался от маркиза Тинсли и других женихов, выбранных для нее мамой и бабушкой. Но она вышла за Марка, потому что он совершенно не походил на других мужчин. Ей казалось, что ему не нужна жена – послушная марионетка, которая делает и говорит только то, что велит муж.

Вскоре после свадьбы стало ясно: он точно такой же, как и все остальные. Марк нисколько не ценил ее неординарности, не оценил тех черт, которые отличали ее от других молодых девушек ее круга. Он постоянно обвинял ее во лжи и утверждал, что она была нечестна с ним до свадьбы. В общем, разрушил их брак.

Николь резко задернула штору и медленно направилась к письменному столу и привычной скуке переписки, дававшей, однако, благодатное спасение от болезненных мыслей о прошлом. Все эти мысли теперь не имели значения. Важным был лишь один факт: у нее наконец появился шанс получить то, чего больше всего хотелось.

Главное, чтобы Марк сказал «да». В результате они оба кое-что получают от этого ужасного брака. И все же... Если Марк согласится, следующие несколько месяцев будут необыкновенно мучительными... При мысли об этом Николь невольно вздрогнула. Ведь тогда она вернется в Англию и станет играть роль любящей жены. Интересно, как Марк объяснит все это окружающим? И действительно, почему генерал внезапно воспылал любовью к женщине, о которой не вспоминал десять лет? Впрочем, это его проблема. Пусть выкручивается как хочет.

Ей же в любом случае придется находиться в его обществе в течение многих недель. И в его постели... Чтобы он выполнил свою часть сделки. Вероятно, для этого потребуются... не больше нескольких месяцев, разве не так? Да и он сам просил ее о нескольких месяцах. Так что пусть будет три месяца (столько же длился их счастливый брак). За три месяца окружающие поверят, что они настоящая любящая пара. Да-да, пусть так и будет.

Вернувшись к столу, Николь снова села и бесконечно долго расправляла юбки. Она не любила писать письма, пусть даже они на время отвлекали от

неприятных мыслей. Марк говорил о своем возможном присутствии в жизни ребенка. Что ж, она позволит ему это. Отказать невозможно. В конце концов, по закону и она, и ее ребенок принадлежали ему. Она сможет счастливо жить и в Англии. Возможно, решит приобрести небольшой коттедж. Ребенок сможет общаться с отцом, а она – со своей семьей и старыми друзьями. Все это будет не так уж плохо. Только сумеет ли она пережить несколько месяцев в обществе Марка...

Был только один способ это выяснить, поэтому...

Внезапно в дверь постучали, и Николь вздрогнула. Вошел дворецкий и протянул ей записку на серебряном подносе.

– Мадам, это только что принесли для вас, – сообщил слуга, поклонившись.

Николь встала, прошла по толстому синему ковру, взяла записку и сразу узнала восковую печать. То была большая и внушительная буква Г (начальная в фамилии Гримальди) на зеленом фоне.

– Спасибо, – сказала она дворецкому, и тот сразу же вышел.

Николь же вернулась к письменному столу, с помощью серебряного канцелярского ножа сломала печать и пробежала глазами короткую записку.

«У меня есть условие к твоему условию. Обсудим за ужином. Буду в восемь».

Глава 13

Едва успели подать вино и первое блюдо, как встревоженная Николь поставила бокал на длинный обеденный стол, взглянула на мужа, сидевшего у дальнего конца стола, и сказала:

– О каком твоём условии к моему условию идет речь?

Марк внимательно посмотрел на жену и ухмыльнулся. Сегодня она выглядела роскошно. Николь всегда становилась удивительно соблазнительной, когда ее настроение соответствовало огненному цвету волос.

Поднявшись, Марк взял тарелку, столовые приборы и бокал, затем прошествовал вдоль всего стола и сел по левую руку от жены.

- Что ты делаешь? - Она взирала на него с подозрением.

Марку же хотелось позабавиться. Снова ухмыльнувшись, он проговорил:

- Сажусь к тебе поближе. Или ты предпочитаешь говорить о подробностях нашей интимной жизни во весь голос?

- У нас нет никакой интимной жизни, - прошептала Николь.

Марк придвинулся к ней еще ближе, и теперь его дыхание щекотало ее шею.

- В данный момент нет, но скоро будет, дорогая.

Николь поспешно взяла бокал и, сделав большой глоток вина, проворчала:

- Что еще за условие? Говори же...

Марк откинулся на спинку стула и тоже сделал глоток вина.

- А как ты думаешь?

Николь закатила глаза и склонила голову к плечу.

- Нам обязательно играть в эти игры?

- Хотя бы одна догадка! - Марк в очередной раз ухмыльнулся.

- Ладно, хорошо. Если родится сын, он будет больше времени проводить с тобой
- это твое условие?

Марк весело рассмеялся, и смех его прозвучал совершенно неуместно в огромной чопорной столовой.

- Ты думаешь, мне будет все равно, если я стану отцом дочери?

Николь пожала плечами, поставила на стол бокал и съела ложку черепахового супа.

- Думаю, дочь будет для тебя менее важна.

На сей раз глаза закатил Марк.

- Это показывает, как хорошо ты меня знаешь. Так вот, я бы, пожалуй, предпочел иметь дочь.

- Что?.. - Николь в растерянности заморгала. - Но почему?

- Я знаю, что английские аристократы предпочитают наследников мужского пола. Но мой-то отец из Италии. А там нежно любят и почитают девочек.

- Да, но твоя семья...

- Мне бы не хотелось говорить об остальной части моей семьи, - процедил Марк сквозь зубы.

Николь натянуто улыбнулась.

- Да, конечно... Я знаю, какой это для тебя больной вопрос.

- Вот и хорошо. Значит, мы оба согласны его не обсуждать. - Марк несколько минут сосредоточенно перекладывал с места на место серебряные столовые приборы, лежавшие рядом с его тарелкой.

Николь же вновь заговорила:

– Твое условие касается проведения времени с ребенком? Я же сказала, что это можно будет устроить. У меня нет никаких возражений.

– Нет-нет, я не о том... – покачал головой Марк.

Семья... Самые близкие люди... Это всегда был для него крайне болезненный вопрос. Он очень любил мать и отца, а они любили его. Но других своих родственников он не знал – ни с материнской стороны, ни с отцовской. Его мать долгие годы пыталась убедить своего отца принять ее мужа и сына. Не получилось. После последнего оскорбления, которое Марк хорошо помнил, хотя ему тогда было всего восемь лет, мать отказалась от дальнейших уговоров, и их маленькая семья переехала в небольшой городок в Девоншире, где они вели тихую счастливую жизнь. Отец там шил обувь. А мать, насколько Марку было известно, больше не пыталась наладить связь со своими родственниками. Что же касается родственников отца, то они жили в Риме, то есть почти на другой планете. Из Италии приходили письма, но оттуда никто никогда не приезжал и родители никогда не возил маленького Марка в Рим. Он впервые встретился со своими итальянскими родственниками, уже будучи взрослым.

В детстве Марк очень переживал из-за обид, нанесенных родственниками его матери. И он на всю жизнь запомнил, как она страдала. Ну а потом...

Марк недолго ухаживал за Николь. Они поженились почти сразу после знакомства. Он еще не успел как следует подумать об их будущем, – а они уже отдалились друг от друга. В последующие годы Марк всецело сосредоточился на своей карьере, и ему даже в голову не приходило, что из-за их с Николь разрыва он лишился возможности иметь наследника. Он попросту не думал об этом.

Теперь же такая возможность появилась. Она, можно сказать, сидела рядом с ним. Оказавшись в этой ситуации, Марк испытывал смущение. Он не был готов к такому повороту событий, однако точно знал, что не намерен давать жизнь ребенку, которого он потом не будет знать. Кроме того, идея интимной близости только ради рождения ребенка представлялась ему отталкивающей. Ребенок должен быть зачат в любви, страсти и удовольствии – в этом Марк нисколько не сомневался.

– Да, я хочу проводить время с моим ребенком, – проговорил он наконец. – Но мое условие о другом...

– Тогда что же у тебя за условие? – Глаза Николь метали молнии; она явно теряла терпение.

Марк несколько секунд всматривался в ее лицо, потом его взгляд опустился к декольте.

– Я нахожу твою идею совершенно неприемлемой. Не может быть интимной близости без страсти. Мы будем заниматься любовью – или никаких сделок.

Глава 14

Николь уронила ложку в тарелку, расплескав ее содержимое по белоснежной скатерти. Вскочив на ноги, она закричала:

– Нет, нет, нет! – «Этот человек рехнулся!» – добавила она мысленно.

– Не понимаю, почему это тебя так расстраивает, – с невозмутимым видом проговорил Марк.

Упершись ладонями в стол, Николь устремила на мужа горящий взгляд.

– Нет, это абсолютно исключено, – заявила она. – Просто нет, и все. Я не могу, я не буду... – Она не могла объяснить, почему не сможет принять такое условие. А он почему-то всегда все усложнял!

– Николь, я не вижу никаких причин. Вспомни, мы ведь очень неплохо проводили время в постели, – добавил Марк с улыбкой.

О, как же ей хотелось стереть эту наглую улыбку с его красивого лица. Да уж, время в постели она прекрасно помнила, хотя и делала все от нее зависевшее, чтобы не помнить.

– Прошлое сейчас не имеет значения, – тихо сказала Николь.

Марк поднял свой бокал и в задумчивости уставился на него, легонько взбалтывая вино.

– А я полагаю, это имеет огромное значение. Если мы намерены зачать ребенка, то вполне можем насладиться процессом.

– Нет, исключено.

Он намеренно провоцировал ее. Вероятно, пытался унижить, поставить в неловкое положение.

В столовую вошел лакей. При виде Марка, переместившегося ближе к хозяйке, он явно удивился, но тут же овладел собой и поспешил поставить перед ним тарелку с очередным блюдом. Марк дождался его ухода, затем снова поднял взгляд на жену. И все это время он продолжал вертеть в пальцах бокал с вином.

– Значит, ты отказываешься? – спросил он.

Николь пристально взглянула на него. Что ж, она еще поборется. В конце концов, в эту игру играют двое. Он ведь хочет получить это новое назначение, не так ли?

– Да, я отказываюсь. – Она вскинула подбородок.

– Ладно, хорошо. – Марк поставил бокал на стол и скрестил руки на груди. – Тогда я вернусь в Англию и постараюсь получить назначение без тебя. А ты останешься бездетной.

Николь стиснула зубы. Будь он проклят! Он разгадал ее блеф.

– Ты готов отказаться от высокого поста ради такого нелепого требования?

– Я не желаю, чтобы меня использовали в качестве жеребца-производителя. У меня есть шанс получить назначение и без тебя, а у тебя нет ни единого шанса родить законного ребенка без меня.

Николь до боли прикусила губу. И тут же ощутила во рту привкус крови.

– Ублюдок... – процедила она сквозь зубы.

Марк улыбнулся и сделал глоток вина.

– Уверяю тебя, я не ублюдок. Когда я родился, мои родители состояли в законном браке. Зато возможность родить незаконнорожденного малыша есть у тебя. Обратись к графу. Думаю, он с удовольствием оплодотворит тебя. Довожу до твоего сведения: я буду здесь еще два дня. Никто тебя не осудит, если ты через девять месяцев после этого родишь ребенка.

Николь хотелось рычать и топтать ногами.

– Ты же знаешь, что я этого не сделаю, – тихо ответила она.

– Ничего я не знаю. Более того: похоже, я и тебя совсем не знаю.

– А когда-нибудь знал? – Николь уставилась на свой бокал.

Ее муж не ответил. И оба они сидели в молчании несколько секунд, показавшихся им вечностью. Наконец, осушив свой бокал, Николь пробормотала:

– Будь ты проклят. Зачем ты все так усложнил?

Марк в задумчивости посмотрел на жену.

– По-моему, это ты все усложнила, дорогая. Если ты хочешь ребенка, моего ребенка, законного наследника, то должна всего лишь согласиться получать удовольствие в постели с мужем. Я ведь прошу совсем немного. И я совершенно не понимаю, почему ты так противишься.

Внезапно сообразив, что некоторое время сдерживала дыхание, Николь шумно выдохнула. Ей следовало мыслить рационально, исключить эмоции. Этот человек был прав. Пусть он провалится в преисподнюю, но он прав! Она вела себя глупо. Он ясно обозначил свое требование, заявив, что через два дня возвращается в Англию. Она знала мужа довольно хорошо и не сомневалась: если он выдвинул какое-либо требование, его треклятая гордость не позволит

ему изменить решение.

И если она хотела ребенка, законного наследника, то ей придется играть по его правилам. Он переиграл ее. Проклятье! Она не сможет выдать незаконного ребенка за его сына или дочь. Так уж ее воспитали. Она ведь дала брачную клятву перед Богом... Пусть ее брак не стал счастливым, только она все равно всегда серьезно относилась к своим обязательствам и не собиралась обманывать мужа – и не важно, чем он сам занимался все эти годы. Правда, до нее никогда не доходили слухи о его любовницах. Хотя... Возможно, дело в том, что она жила от него слишком далеко. К тому же... Слышать новости о нем было больно, и она категорически запретила матери писать о нем. Конечно, это не помешало ей регулярно задавать вопросы о ее замужестве, но зато Николь была избавлена от сплетен.

Она встала и швырнула салфетку на стул.

– У меня пропал аппетит. Думаю, ты уже договорился о нашем возвращении в Лондон?

На красивое лицо мужа мгновенно вернулась ухмылка.

– Да, естественно.

– Вот и хорошо. Я согласна на твои условия и хочу выехать завтра на рассвете. Чем быстрее все кончится, тем лучше. – Она отвернулась и быстро вышла из комнаты.

Глава 15

Марк подъехал к дому Николь на рассвете. Над лавандовыми полями еще стелился утренний туман, а на обочины длинной грунтовой дороги, которая вела к дому, выскакивали, резвясь, олени. Он вдохнул прохладный и чистый утренний воздух, напоенный ароматом лаванды. Франция была бы прекрасной страной... если бы здесь не жили его враги.

В городе он нанял экипаж, чтобы доехать до Кале, где они поднимутся на борт парохода до Дувра. Все путешествие займет два дня. После ужина накануне вечером Марк покинул дом Николь с торжествующей улыбкой на лице и остаток вечера провел в поисках самого комфортного средства передвижения, которое только можно было найти в срочном порядке. В конце концов ему удалось отыскать экипаж с трезвым и благоразумным (по крайней мере, на первый взгляд) кучером. И, что еще важнее, кучер согласился довезти их до самого Кале. Деньги, как известно, могут творить чудеса.

Николь опаздывала. Впрочем, так было всегда. Марк прохаживался по вестибюлю, заложив руки за спину. Он уже в третий раз взглянул на свои карманные часы, когда, наконец, на лестнице появились Николь и ее горничная. Марк поднял глаза – и его сердце забилось быстрее. Намного быстрее. В сером дорожном платье, в серебристой накидке и такого же цвета шляпке Николь выглядела королевой, отправляющейся в путешествие. И одевалась она для него, одевалась для их совместного путешествия. Внезапно у Марка возникло странное чувство... Казалось, он везет домой любимую жену.

Два лакея несли большой сундук, а Николь в одной руке держала небольшую дорожную сумку, в другой – серый шелковый ридикюль. Она окинула Марка хмурым взглядом и, не останавливаясь, быстро прошла мимо него к двери.

– Я нанял достаточно большой экипаж, чтобы твоя горничная могла ехать с нами, – сказал Марк, догнав жену.

Он не взял в это путешествие своего слугу, но рассчитывал, что горничная Николь будет ее сопровождать.

– В этом нет необходимости. Жаклин с нами не поедет. Ее сестра со дня на день должна родить, и она предпочла остаться здесь.

– Ты не берешь с собой горничную? – удивился Марк.

Николь вздохнула.

– Нет. Мне придется нанять кого-нибудь на время, когда мы приедем в Англию.

– Это не проблема. – Марк открыл дверцу экипажа, пытаясь скрыть смятение. Они будут наедине весь путь до Кале. По какой-то непонятной причине эта перспектива тревожила его, вселяла неуверенность. Он планировал стать веселым спутником для жены и ее горничной, но остаться с Николь наедине...

Лакеи погрузили сундук Николь рядом с дорожной сумкой Марка, значительно уступавшей ему в размерах. Марк помог жене подняться по ступенькам и устроиться на сиденье. Она не посмотрела на него, когда он занял место напротив. Николь положила дорожную сумку на пол у своих ног, а ридикюль – рядом с собой на сиденье.

И в тот же миг из дома выбежала женщина с большой плетеной корзиной и втолкнула ее в экипаж, сказав по-французски:

– Мадам, я приготовила еду для вас и месье. Для вашего путешествия...

– Спасибо, мадам Дюваль, – ответила Николь тоже по-французски. – Я высоко ценю вашу заботу.

– Когда вы намерены вернуться, мадам? – спросила женщина. Ее глаза были полны слез.

Николь покосилась на мужа.

– Пока не знаю. Я обязательно напишу, когда появится какая-нибудь ясность.

– Мы будем скучать, мадам, – сказала кухарка.

– Я тоже буду скучать, мадам Дюваль. – Николь ласково ей улыбнулась.

Кухарка окинула Марка враждебным взглядом и отошла от экипажа. Лакеи подняли ступеньки и закрыли дверцу. Марк дважды стукнул по потолку экипажа, давая знать кучеру, что можно ехать. Экипаж медленно покатило по подъездной аллее к дороге.

– Полагаю, ты сообщила графу о своем отъезде? – спросил Марк, не удержавшись.

– Сегодня утром я отправила ему записку, – ответила Николь, глядя в окно.

Марк внимательно наблюдал за женой из-под полуопущенных век. Ее тело чуть покачивалось в такт движению экипажа, поза казалась напряженной, а ноздри слегка раздувались. Было очевидно, что Николь злилась. Конечно же, из-за того, что ей пришлось принять его условие. «Ну и прекрасно», – подумал он. Любовные игры с разгневанной супругой станут истинным удовольствием. Хотя... Может, он был слишком настойчивым и потребовал слишком многого? Время покажет. Он подумает об этом позже, а пока... Пока что он мог праздновать победу, ведь ему удалось добиться своего. При мысли об этом его губы тронула улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/valeri-boumen/moy-besstrashnyy-gercog>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)